

Ставропольская краевая библиотека для молодежи
имени В. И. Сягнуевой
НФ «Литературный фонд имени В. И. Сягнуевой»

СЕДЬМЫЕ СЯГНЕВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ

Литература Ставрополья:
из прошлого в будущее

Ставрополь, 2021

СЕДЬМЫЕ СЛЯДНЕВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ: «Литература Ставрополя: из прошлого в будущее»: сборник / ГБУК СК «Ставропольская краевая библиотека для молодежи имени В. И. Сляднейвой»; сост. Л. Ф. Игнатова. – Ставрополь, 2021. – 83 с.

Ответственный за выпуск:
Тех. редакция и верстка:

Л. Ф. Игнатова
М. В. Игнатов

© Ставропольская краевая библиотека для молодежи
имени В. И. Сляднейвой, 2021

Оглавление

Шматко Л. И. Юбилейный год поэта	4
Халимонова-Мельник А. В. Воспоминания о Валентине Слядневой	5
Дружинина Т. Д. «Я огненного времени пленец»	7
Мардиросова В. И. Родниковое слово поэта	15
...Наши поэтические души перекликались...	33
Сляднева В. И. И Божий дар. Валентина Нарыжная.....	35
Иванова Е. «У праведной души стихи – молитвы»...	36
Черная Т. К. Поколение.....	39
Чекалов П. К. В. Маяковский и А. Губин: творческие схождения.....	44
Асрян М. М. Неизвестное стихотворение из архива А. Т. Губина	49
Щербакова И. Наследие казачьего Пушкина.....	53
Блохин Н. Разговорчивый поэт	57
Черная Т. К. Повседневный мир достойных людей в книгах Владимира Константиновича Малярова	65
Бронская Л. И. Семантика времен года в лирике Елены Гончаровой.....	70
Багдасарова Г. А. Городской пейзаж в поэзии Андрея Недавнего	79

Юбилейный год поэта

*Шматко Лариса Ивановна,
председатель НФ «Литературный
фонд имени В. И. Сядневой»*

Прошлый год был особенный. Неожиданная пандемия и карантинные ограничения застали врасплох, бросив вызов всем нам. Литературный фонд имени В. И. Сядневой, приняв этот вызов, также был вынужден личные контакты и общественные мероприятия свести к минимуму. Существенные коррективы были внесены и в планы Арт-центра «Горицвет». Но и в новых, диктуемых сложившейся ситуацией условиях, работа успешно продолжилась.

80-летие со дня рождения Валентины Ивановны Сядневой – это важнейшее событие года для нас. И сделать весь год воистину юбилейным мы смогли благодаря Ставропольской краевой библиотеке для молодежи имени В. И. Сядневой, краевым и муниципальным библиотекам, Литературному центру, творческим союзам, театрам и другим организациям-партнерам, за что мы им очень признательны.

Благодаря нашим партнерам, в режиме онлайн прошли традиционные краевые мероприятия: конкурс чтецов по произведениям В. И. Сядневой, фестиваль «Сядневская весна», поэтический марафон «Лебеди сердца» (Краевая библиотека для молодежи имени В. И. Сядневой), а в социальных сетях регулярно проходили поэтические зарисовки, чтение стихов.

Замечательный биографический видеофильм «Жизнь на слово променяю» о творческом пути В. И. Сядневой и её наследии, подготовленный Литературным центром, доступен на сайте учреждения.

Литературный фонд имени В. И. Сядневой с глубокой признательностью поддержал инициативу министерства культуры Ставропольского края и общественных организаций о присвоении поэту звания Почетный гражданин Ставропольского края и с радостью сообщает, что Валентине Ивановне уже присвоено это звание.

В течение года в радиопередачах звучали архивные записи стихов и песен поэта в исполнении известных артистов и вокалистов нашего края. Были опубликованы большие статьи о жизни и творчестве Валентины Ивановны, а также подборки стихов в газетах «Ставропольская правда», «Губернские ведомости».

Песни В. Кипора на стихи В. И. Сядневой напечатаны в альманахе «Свет души», который при поддержке Литературного фонда был издан

Ставропольской краевой библиотекой для слепых и слабовидящих имени В. Маяковского.

Литературный фонд старался по возможности участвовать во всех крупных культурных акциях нашего города и края, оказывая помощь в организации конкурсов, спектаклей, флешмобов в онлайн формате. И прежде всего, это мероприятия к 75-летию Великой Победы.

Трансляция и исполнение песен поэта во время празднования юбилея Победы прошли на площади Ленина, Крепостной горе и городских парках.

Это еще раз убеждает нас в том, что в такое непростое время консолидация местных культурных и образовательных институций позволяет находить совместные пути развития и решения насущных проблем. Мы верим в силу партнерства и сотворчества.

Из года в год Литературный фонд имени В. И. Слядневой стремится вносить свой вклад в процесс культурного развития Ставрополя вместе с единомышленниками и всеми, кто неравнодушен к развитию культуры края. И в следующий год мы вступаем с радостью и надеждой в сердце.

Воспоминания о Валентине Слядневой

*Халимонова-Мельник Алла Владимировна,
поэт, член Союза писателей России*

Большие глаза, как лесные озера,
В которые неба глядит синева...
Любовь и надежда – вот смысл и опора
Судьбы, что рождала от сердца слова.

А жизнь, то как песня легко, то сурово
Ее проносила сквозь толщу годов,
Где главное было – то емкое слово,
Которое каждый принять был готов.

Она говорила о том, что знакомо,
Что важно для каждого – дети, родня,
Тепло и радушие отцовского дома
И Родина, что защитит, как броня.

О степи писала, бескрайней и прямой
От свежести трав, от дыханья земли,
О яблонях белых, чей запах медвяный
Из детства родные ветра принесли.

Веселая, звонкая, солнце в ладони
Несла она людям. И память жива.
А годы промчались, как быстрые кони,
Оставив стихов золотые слова.

«Солнце в ладони»

Имя Валентины Ивановны Слядневой золотыми буквами вписано в историю Ставрополя. Удивительный, неординарный человек! Память рисует мне большую и очень красивую женщину, которая, стоило ей где-то появиться, сразу же привлекала внимание всех присутствующих. Она заходила шумно, говорила громко и везде чувствовала себя хозяйкой.

Она была труженицей и талантливым человеком. Работала много. А мне иногда говорила: «Старайся писать каждый день, хотя бы по несколько строк». Она нередко звонила по вечерам, чтобы прочесть только что написанное. У нее была такая потребность: поделиться, послушать, как звучат ее новые строки. Не для того, чтобы получить одобрение или совет – в этом не было нужды – а чтобы понимающий ее человек услышал. Иногда что-то на ходу менялось. «А может так лучше?» – спрашивала она себя и сама же отвечала: «Да-да, вот так». Когда написанные стихи должны были стать песней, она их пела: «Послушай, какую я песню написала». А песни у Валентины Ивановны замечательные! Их будут слушать и будут восхищаться ими многие поколения ставропольцев.

Несколько лет Валентина Ивановна была председателем Краевого отделения Союза писателей России. А меня взяла к себе помощницей. Помощь заключалась в том, чтобы следить за почтой и порядком в литературном доме. А дом этот был совсем не таким, каков он сейчас: две небольшие комнатки, заваленные всякой рухлядью, оставшейся от бывших хозяев. И вот как-то в июле 2005 звонит мне с утра Валентина Ивановна и говорит взволнованным голосом: «Завтра к нам Александр Козинцев приезжает, надо бы как-то подготовиться». Шутка-ка ли дело, зам. главного редактора «Нашего современника»! Мы, конечно, собрались с ней (благо, у меня был выходной), кое-какие вещи тяжелые вынесли, и осталась я до вечера одна с тряпками, несколько лет не мытыми окнами и полным беспорядком. Но на другой день Козинцева приняли достойно, в чистом и уютном помещении. Вот так мы жили, не всегда приходилось только литературными делами заниматься. Но Валентина Ивановна со своей энергией и напором отвоевала-таки для литераторов зал, сделала ремонт и сейчас в прекрасном «Литературном центре» можно собраться и на мероприятие, и на концерт, и даже юбилейный вечер провести. Бывая здесь, с

благодарностью вспоминаю Валентину Ивановну. Она всегда защищала интересы писателей, постоянно говорила о нелегком и ответственном литературном труде.

Удивительно, но деловая хватка практичного руководителя (правда, иногда немного сумбурного) сочеталась в Валентине Ивановне с поразительно детским и чистым восприятием природы, любовью ко всему живому. В последние годы мы были соседями, и я нередко заходила к ней в гости. Знала ее котов (один стал и нашим домашним питомцем), ее любимых перепелочек, ее прекрасный сад. Часто мы сидели там на качелях и разговаривали. Она читала мои последние книги. Особенно ей нравилась поэма «Серафим Саровский». Она говорила: «Я как будто вижу, как он стоит и молится. А потом с молитвой в сердце умирает». Она очень любила святую блаженную Матрону Московскую. Радовалась, когда я принесла ей цветы от мощей. Видно, душа Валентины Ивановны, чистая и добрая, тянулась к вере и святости.

Хорошо, что последние годы своей жизни она провела на земле, в привычной с детства обстановке, среди цветов и деревьев, среди ставропольской природы, которую она так любила и о которой так прекрасно писала в своих стихах.

«Я огненного времени птенец»

*Дружинина Тамара Дмитриевна,
журналист Ставропольской краевой
библиотеки для молодежи
имени В. И. Слядневой,
кандидат филологических наук*

Год 2020 – юбилейный: восьмидесятилетие В. И. Слядневой совпало с юбилеем Великой Победы. Именно эти два события во многом определили деятельность библиотеки для молодежи имени В. И. Слядневой.

Валентина Ивановна не просто помнила войну: война жила в ее сердце незаживающей раной, день за днем диктуя сердцу поэта берущие за душу строки...

О войне стихов я не пишу,
И в слова о смерти не играю.
А с бойцами в бой сама хожу
И не понарошку умираю...

«Она была из поколения детей войны. С младенчества разделила со страной невиданные беды и утраты, – писала заслуженный работник культуры, журналист Н. Быкова. – Первые годы ее жизни совпали с военным лихолетьем, наверное, оттого и память о войне у нее своя – ребячья, но преломленная годами взросления. Как война прошла по одной конкретной семье? Что пережил и перечувствовал в войну ребенок? Валентина Ивановна вроде бы и помнить-то особо этого не должна, поскольку в детской памяти многое со временем стирается. Но кто заглядывал в сборники ее стихов, тот знает, что архетип военной памяти в них – один из доминирующих. Конечно, свою роль сыграли многие факторы. И то, что отец вернулся с фронта инвалидом, и что семья не один год перебивалась с картошки на воду, а мать билась одна с тремя детьми... Но удивительное дело: в личных ощущениях войны девочки Вали, ставшей поэтом, доминируют не трагические ноты, а по-своему позитивный мотив преодоления – того же голода, иных лишений и неустройств».

Журналист точно подметила, что именно в таком преодолении выработывался характер, закладывалась судьба, обозначался выбор её жизненного пути, когда «в незначительных бытовых, пейзажных зарисовках, таких детских капельках войны, отразились куда более масштабные – всенародные переживания». Верно и то, что в стихах о войне лирический герой В. Слядневой почти всегда молод, но это не мешает ей как поэту видеть себя как бы старше прошедших через войну отца, дяди, односельчан. Будущая поэтесса жадно впитывала в себя любую информацию о военном лихолетье. Но особо ценно признание в том, что война в её детском сознании осталась как определённый образ. Это бескрайняя степь, по которой «куда-то вдаль уходят нечеткие фигуры немецких солдат, причем, уходят странно медленно, в звенящей тишине, без выстрелов и взрывов». Но ведь это не просто образ, а образ художественный, собирательный; образ поэтический.

«Вообще не понимаю, как я выбилась из той жизни, книжки читала, ходила за стадом», – позже запишет В. И. Сляднева в своих воспоминаниях. Может, потому и «выбилась», что в редкие минуты отдыха, словно в награду, были даны ей сладкие минуты «... бегать в библиотеку за новой книжкой. Всегда в труде, в поле, на току, на огороде... Наверное, так жизнь меня крепко соединила с народным языком, народными судьбами», – писала о своём детстве Валентина Ивановна.

Слова, ожившие в красках

«Кто мы без истории и памяти?
(Все – куда б нас тропка ни вела?!)
Отними их и – уже мы в панике:
«Где опора – воздух для крыла»...»,

— писала В. И. Сляднева в одном из своих стихотворений. Писала, как думала. С ощущением внутренней, органической, преемственности времён и событий. Это пронизывает всё её творчество; становясь «опорой» и «воздухом для крыла» в описании жгучей правды о «сороковых-роковых».

С осознанием именно этого факта в Ставропольской краевой библиотеке имени В. И. Слядневой создавался Литературный календарь «Я огненного времени птенец», посвященный 75-летию Великой Победы. Скромный размерами, он чуть больше блокнота. Тем не менее, это – глубокое, по сути, издание, сделанное с любовью и уважением к личности поэта.

Считается, что у календарей цель вполне себе прагматичная (он верный помощник, когда хотим заглянуть в будущее или назначить срок исполнения дел). Так – да совсем не так. Подобно тому, как название календаря «Я огненного времени птенец» выросло из стихотворной строки В. И. Слядневой, сам он – «вышел» из мемориальной деятельности библиотеки, а значит, внес свой значимый (и самоценный!) вклад в знание о Поэте.

Юбилейная дата Победы сегодня – это не только праздник со слезами на глазах, но ещё и наша всеобщая задача восстановить Правду о войне и во всей её чистоте и величии. На всю жизнь для Валентины Ивановны День Победы оставался самым большим праздником. То, что в Литературном календаре эта правда приходит к читателю через жизнь и творчество поэта – очевидца и свидетеля делает её ещё более зримой.

У Литературного календаря простая и строгая логика: поквартальное деление дат с последующей «раскадровкой» листов на месяцы. Каждую страницу украшают стихи либо прозаические отрывки автора и картины известного художника Юга России, заслуженного работника культуры РФ, члена Союза художников России Д. С. Гущина. Здесь художник – как чуткий камертон времени и событий. Его кисть не только воспроизводит суровую реальность лиц и природы на войне. Это всегда хрупкая жизнь в присутствии смерти. Краски – коричневатые, бело-серые – дымные, словно притушенные. В полном соответствии с тем, как В. И. Сляднева описывает в своих произведениях воспоминания детства.

«Война. Куда девались краски?
Земля войной обожжена...
Убиты детство, нежность, ласка –
И только Родина жива.

Художник в творческом дуэте с поэтом – честный бытописатель, но ещё и летописец, у которого на вооружении сюжеты, формы и краски. Одна из основополагающих картин Дмитрия Гущина «Наступление» метафорична. На фоне серо-розового пространства куда-то вдаль движется колонна. Она без начала и без конца. Не понятно, зима, это, осень или холодная весна – время года не важно. Важно лишь, что это – ВРЕМЯ ВОЙНЫ. Все идущие – в одинаково белом или сером. Лиц нет – только движение. Справа на переднем плане огромный Т-образный столб, он как крест, которого не миновать ни одному из бойцов. Что это? Крестный путь защитников своей земли? Путь на Голгофу, когда умереть значит победить? И общим подвигом, одной на всех Победой обессмертить себя?.. Эти вопросы – как размышление художника о войне наедине с собой и одновременно со всеми.

Каждый информационный «трехмесячник» снабжен той или иной прозаической вводной из сборника воспоминаний В. И. Слядневой «Перепелиная душа». Благодаря такому ходу, поэт как бы входит в доверительный разговор с читателем календаря и сразу же даёт ему определенную фору – заранее верит в полное понимание друг друга.

«Я хочу поблагодарить тебя, дорогой Читатель, за то, что ты со мной заодно. Я так думаю. Без этой веры мне было бы нелегко, как бывает нелегко одинокой птице одолеть пространство при перелете, как нелегко было бы солнцу, не знай оно, кому светит».

Вместе с художником мы, сегодняшние, смотрим на военные иллюстрации как бы с высоты прошедших лет, защищенные этой «высью». Другое ЗНАНИЕ у поэта. Время Великой войны и великой Победы уходит, а ощущение боли у «переживших» её остается. Поделиться драгоценным знанием, – вот к чему стремится Поэт.

«Аты-баты...» – шли солдаты
Через всю страну!
Если б только было можно,
Чтоб – не на войну,
Чтобы падали на землю
Понарошку все!
«Аты-баты...» – шли солдаты
По золе, росе,

...

И мечтали поле сеять,
И вязать венцы...
«Аты-баты...» – шли солдаты,
Деды и отцы.

Стоит внимательно вчитаться в строки стихотворения-считалки Валентины Слядневой. «Аты-баты...» – это, как отсчет дней, судеб, событий, потерь. Ни грани пафоса: слова простые, искренние. А трогают до слез, потому что с нами, читателями, вдруг происходит удивительное чудо, когда душа с душою говорит. Пора военных испытаний – это часть существа Поэта, некая мера вещей, и поступков: как сегодня ты несешь ответственность за слова и дела. Отсюда такая пронзительная нота.

Война – ни апреля, ни мая,
И сердца остуда, и хилость...
Зачем же, скажите на милость,
О ней всё пишу я, не знаю.
Она мне самой надоела!
Я жгу безотцовщину в строчках,
Я рву испытания в клочья,
Но всё – бесполезное дело.
Никто не сотрет мою память
И раны мои не залечит!
Опять мне вести о ней речи,
На землю с убитыми падать...
Войны опостылел мне холод.
Хотя б отпустила немного!
Но нет же, стоит у порога,
Стоит, никуда не уходит.

Жесткое откровение. На разрыв души. И такое же предельно жесткое художественное выражение этих чувств в картине-иллюстрации Д. С. Гущина «В степном краю». словно на надгробной доске, на чисто выструганное сиденье деревенской табуретки брошены букет колючих цветов, изношенная пилотка со звездочкой и то ли тыква, то ли солдатская каска... Тому, кто видел смерть и беды войны, всю жизнь потом в самых простых вещах чуются её символы.

Художник Гущин не видел войны – детство прошло в первые послевоенные годы. Но именно рассказы отца, кадрового офицера и

участника Великой Отечественной питали его творчество. Логика размещения живописных работ в календаре – это история развития военных событий: от вступления фашистских орд на территорию СССР и до взятия рейхстага. Картины Д. С. Гущина – не иллюстрации, они самоценны – любезно предоставлены сотрудникам библиотеки Ставропольским краевым музеем изобразительных искусств. В них есть место и метафоре, и иносказанию; особенно важно умение автора заставить нас в малом эпизоде увидеть нечто большее. («Непокоренная земля», «Наступление» «Молебен на границе», «Родники»...)

«Не спрашивай, сынок, какой была война!
У бабушки своей возьми ты ордена.
С тех пор, как военком их в дом принес,
Она слепа, слепа она от слёз...»

«На алтаре души россиянина всегда были высокие идеалы и цели. Цена их велика. За них были отданы жизни дорогих и любимых нам людей. Я не могу не думать о тех, кто никогда не увидит, как на луг упадет роса, как засияет новый восход и от лесов повеет родниковая прохлада...» – Этот отрывок – лирический посыл и одновременно напутствие новому поколению нового века, мало знающему о том, какой непомерной ценой и жертвами далась защитникам Родины Победа. Поэт говорит о самом важном в жизни, молодого человека — обретении ценностных ориентиров.

В финальном откровении календаря удивительные слова В. И. Слядневой: «Я верю, что и здесь Ты (выделено авт. Т. Д.) со мной заодно». Кто же тот, кого автор берет в друзья, попутчики, единомышленники? Скорее всего, это – молодые люди. Перед ними поэтесса разворачивает литературно-художественную панораму, летопись суровых военных лет: от впечатлений и образов своего сурового детства до осмысления пережитого и понимания себя как плоть от плоти – части своего народа – жертвенного и могущественного одновременно. Календарь – как умная книжка, прочитав которую, любознательный читатель сделает для себя немало открытий. Такова сила живой Памяти этого уникального издания.

Как ставропольских, так и столичных композиторов не раз вдохновляли искренние, наполненные живым чувством стихи поэта. В фондах СКБМ имени В. И. Слядневой хранятся пять компакт-дисков с записями музыкальных произведений на стихи поэта. Композиторы продолжают работать с текстами В. И. Слядневой. На каждом большом мероприятии в городе и крае звучат ее песни.

Замечательным творческим сюрпризом для всех нас стали бардовские песни. В. В. Митрофаненко. По собственному признанию автора он «по-новому» открыл для себя поэзию Валентины Ивановны. Качественно иной подход к творчеству поэта как бы проявил новые грани поэзии В. И. Слядневой: современность, остроту, гармоничность.

Премьера песен состоялась «под занавес» уходящего 2019 г. на Шестых Слядневских чтениях.

Сборник стихов В. И. Слядневой Валерию Валентиновичу подарила директор библиотеки Л. Ф. Игнатова. Книга увлекла так, что за минимальный срок он отобрал 24 стихотворения и написал на них свои песни, в числе которых немалая часть – о войне. По словам Валерия, стихи поэта будто сами подсказывали мелодию.

Помню впечатление от одной из них – «Аты-баты». От куплета к куплету голос исполнителя крепчал. Напряжение нарастало, как нарастает накал последнего боя... Не менее сильно прозвучали и остальные «В дымной сумеречной хате», «Смешались краски», «Покаяние», «Связь поколений», «Комбат»...

Кажется, что стихи поэта были написаны для того, чтобы вот так, под гитарные переборы мы узнавали что-то очень важное о жизни, правде чувств и мыслей; о сегодняшнем и завтрашнем дне. А бардовская песня с её демократизмом, близостью к слушателям, искренностью в выражении чувств проявила новые грани дарования Валентины Слядневой. Выставленные в сети записи этих песен уже путешествуют по интернету и собирают немалое количество «лайков».

Находясь в постоянном поиске, сотрудники библиотеки для молодежи предлагают мероприятия, в которых присутствуют все жанры, кроме скучного.

В апреле, во второй раз прошел фестиваль «Слядневская весна». По известным обстоятельствам, мы не могли собрать в молодежке его участников и друзей библиотеки. Общение проходило в режиме онлайн.

Выйдя за стены библиотеки, фестиваль, расширив свои горизонты, в течение семи дней дарил всем участникам и слушателям отличное настроение и положительный заряд на будущее, ведь весна – время улыбок, теплоты, яркого света, позитивных мыслей, незабываемых моментов, головокружительных чувств.

С участниками фестиваля мы совершали онлайн экскурсии по Ставрополю. Это настоящее путешествие не только по нашему краю, но и в мир лирики замечательного поэта В. И. Слядневой, наполненный тонкими

живописными зарисовками, пронизанный яркими воспоминаниями и глубокими эмоциями.

Наполнить музыкой слова помог мастер бардовской песни В. Митрофаненко. Цикл музыкально-поэтических встреч «Не делайте мир обычным» собрал большое количество слушателей и поклонников творчества Валентины Слядневой. Прозвучало более двадцати песен на ее стихи.

Ежедневно работала творческая площадка «Литературный дебют», на которой начинающие авторы выставляли свои произведения на суд большой читательской аудитории. Мы еще раз убедились, что Фестиваль – это незабываемые впечатления от встреч с единомышленниками, объединивший писателей, поэтов и музыкантов.

Живо и интересно прошел литературный конкурс «Ставрополье: не выходя из комнаты». Участники угадывали произведение В. Слядневой по цитате. Подписчик, который первым угадает название, писал в комментариях свою цитату, следующий угадавший – свою. И так далее.

Наши участники делились впечатлениями о фестивале. Вот одно из признаний Александры Б.: «Спасибо за возможность провести несколько дней в атмосфере творчества, дружбы и добра».

Традиционно, накануне праздника Победы в течение 30 дней ежедневно в социальных сетях библиотеки звучали стихи В. И. Слядневой. Для нас важно, чтобы пользователи сайта читали ее строки о времени тяжких страданий народных и времени величайшей Победы. Своими проникновенными стихами поэт заставляет задуматься о патриотизме, верности, памяти, о тех, кто во имя независимости и свободы родной земли героически отдал свою жизнь, навечно оставшись в памяти потомков.

Шестой ежегодный краевой конкурс чтецов по произведениям В. И. Слядневой также состоялся в онлайн режиме.

225 человек от 7 до 17 лет из городов и районов края представили богатую лирическими красками, поэтическую палитру, созданную Валентиной Слядневой в своих произведениях.

Возможность проведения конкурса в удаленном формате позволила расширить его географию: свои ролики прислали участники из самых дальних районов края: Степновского, Нефтекумского, Арзгирского...

В год 80-летия со дня рождения В. И. Слядневой многие конкурсанты выбрали для прочтения её стихи и прозу о войне и Победе, о тех сражениях, где решалось будущее нашей Родины – России.

Конкурс завершился в День памяти поэта ярким литературным праздником на бульваре Ермолова рядом с библиотекой. Звучали стихи, вручались заслуженные награды...

Этот конкурс передал эстафету литературному онлайн-марафону «Лебеди сердца» (по названию одного из стихотворений Валентины Слядневой), который стартовал 8 октября и продолжился до 22 декабря 2020 г. – юбилея поэта. Для нас было очень важно, чтобы присланные на конкурс чтецов работы увидели все желающие, оценили уровень владения словом, культуру исполнения, а также умение выразить свои чувства, мысли эмоции, вызванные тем или иным произведением.

И ещё: конечно же, акция Онлайн-марафон стала прекрасной возможностью снова и снова обратиться к творчеству замечательного поэта и человека – В. И. Слядневой, как доказательство того, что наследие поэта и сегодня дорого современникам, волнует людей, зажигает в их душах свет, рождает лучшие чувства. «Действенная сила художественного слова» никуда не ушла. Она в поступках и произведениях нового поколения, нашей умной и талантливой молодежи.

Родниковое слово поэта

Сценарий спектакля, посвящённого
жизни и творчеству Валентины Слядневой

*Мардиросова Виктория Игоревна,
художественный руководитель Ставропольского
литературного центра*

Звучит песня «Колокола России».

Полетят по взгорьям ветерки,
Золотые купола России
Выплывают, словно маяки,
И горят, горят под небом синим.

Не тускнеют в небе купола!
Русь великой и святой всегда была.
Разливают чудный звон колокола
И сияют золотые купола.

Крестный путь – поможет Бог, осилим, –
Нам не снился сроду путь иной!
Золотые купола России
Слиты с православною страной.

Не тускнеют в небе купола!
Русь великой и святой всегда была.
Разливают чудный звон колокола
И сияют золотые купола.
Незакатный свет и негасимый,
Сквозь века жар-птицами лети...
Золотые купола России –
Наши православные пути.

Выходят ведущие.

Звучит декламация стихотворения «Старинные крепости».

Старинные крепости, рухнувших зданий обломки
Под небом, где снова «звезда со звездой говорит»...
Россия уходит вперёд – ведь любой из потомков
Дорогу свою через горькое время торит.
Как много дорог начиналось вчера ручейками
Да сказками-грёзами в куцах цветущего льна!
Исписана родина вся ободами – веками...
С волненьем читаем, читаем её письма.
О чём-то жалеем, чего-то мы не понимаем,
Одно не по слуху, другое – не по годам!
И дождик унылый, и молний страда огневая –
Всё это уж было – по чьим-то проходим следам.
Впитали с младенчества мы родниковое слово,
Любовь к пятистенкам замшелым,
 простому рядну...
Россия уходит вперёд, потому что мы снова
Её повторяем одну, её продолжаем одну.

1 ведущий:

Слова песни и стихи, которые только что прозвучали, принадлежит перу известной на Ставрополье писательницы. Валентина Сляднева – это имя значится на обложках и переплётах книг прозы и поэзии, в Москве вышли семь компакт-дисков с песнями, созданными современными композиторами на тексты нашей землячки.

2 ведущий:

Последней заботой поэтессы на земле стало издание пятитомника её произведений – итог работы в литературе – ей без преувеличения она посвятила всю свою жизнь. И жизнь эта никогда не была без завтрашнего

дня, без любви к своей малой родине – селу с таким многообещающим названием – Надежда. Сегодня, когда издано столько книг поэтессы, можно перелистывать её жизнь в любой последовательности, задерживаться на отдельных годах, днях, мгновениях...

Следует фрагмент фильма, посвящённого жизни и творчеству В. И. Слядневой. Поэт читает свои стихи:

Я из Надежды, из степей, где петь
Перепела решаются всё реже,
Где заросли делянок старых межи,
И где свистит ветров-скитальцев плеть.
Там по буграм дымится полынок
И шастает густой туман по речкам,
В одноэтажном домике с крылечком
Там школьный заливается звонок.
Пускай ушло крылечко на дрова
И школа поднялась давно другая, –
Я в ту, свою, по улице шагаю...
И у меня забита голова
Таковыми пустяками, Боже мой! –
Хоть раз теперь могли бы мне присниться...
Я из Надежды. Я спешу домой.
Прости, Москва, она – моя столица!

2 ведущий:

Никому не дано знать, что ждёт его впереди. Не знала, не могла этого знать и Валентина Сляднева тогда, в те далёкие годы, когда ещё не было в её судьбе ни книг, ни избранной дороги, по которой идти и идти долгие годы.

1 ведущий:

Но уже наметилась едва заметная тропинка в большую жизнь. И начиналась она от порога родного дома, который и сегодня всё ещё стоит и смотрит на мир своими горящими в закатных лучах солнца окнами... Только не кажутся уже такими любопытными эти окна, потому что не выглядывает из них на улицу порывистая, быстрая, как огонь, девчонка. Другая жизнь давно поселилась в этом доме. Однако окрестности села Надежды, словно бы всё ещё хранят следы её ног...

На сцену выходит актриса в образе В. И. Слядневой:

Проснусь – и сердце встрепенётся,
И занавеска на окне
Рассветной радостью метнётся

Лицо погладить мягко мне.
Протянет влажный куст сирени
Утра нетронутую свежесть...
С годами я люблю сильнее
Земли распахнутую нежность.
Люблю бездумно, беспечально,
Своим годам счёт позабыв,
Тревожить быстрыми ночами
С тобою майские сады.
...И приезжать сюда обратно
К границе песен и рассветов.
И, уезжая, вдруг заплакать
И знать уже –
Приеду летом.

ОБРАЗ:

– И думать не думала я, что раннее увлечение поэзией приведёт меня к занятию, странному для маленькой пастушки, пропадающей все дни на косогорах, зацелованных то ветрами, то ливнями.

Встану утром рано – рано,
Когда звёзды в небе гаснут.
В синей бурке из тумана
Побреду по сонным травам
Очарованным подпаском.

Это одно из первых моих стихотворений, написанных в те безмятежные годы. Стихи приходили и уходили подобно налетевшим порывам ветра – вот только что были и пропали... Иногда мне хочется вернуться в мою раннюю юность, в мой мир, к стёжкам-дорожкам, обладательницей которых останусь навсегда. Ничто не может разрушить этот мир, защищённый от всего снопами искрящихся лучей, горой, скирдами сена, уходящими в небо, родниковыми колодцами.

1 ведущий:

Я на земле своей родной
Не гость и не прохожий.
Мороз или калёный зной
Мне обжигает кожу.

2 ведущий:

И пусть приходится терпеть,
Порой есть хлеб, что горек,
Попробуй, оторви теперь
Меня от нив и горок!

Я заодно с землёй, с роднёй!
Вот вновь бегут с крылечек.
Люблю вычерпывать бадьёй
Я небеса из речек.

ОБРАЗ:

Невозможно представить начало моей жизни без природы. Я просыпалась от ярких лучей, льющихся в окно с горы, из-за которой солнце появлялось над долиной, протянувшейся на семнадцать километров. Бывало, окно плакало, но и тогда за ним открывался одухотворённый и удивительный мир. Казалось, что моя жизнь растворена в природе или слита с нею: с лугами и полями, просёлками. Да я и сама – часть природы...

Горит звезда моя ночами
Над тихим,
Заспанным прудом.
Мне столько счастья обещает
К утру раскрывшийся бутон...

1 ведущий:

Ещё прохладой ранней скована,
Дымится белая станица,
А первый луч явился снова
Седого дня седым возницей.

2 ведущий:

И этот луч, как обещанье
Нескучных солнечных дорог.
Мне свою верность завещает
Щербатый каменный порог.

1 ведущий:

А если в долгое ненастье
Мне счастья луч уже не светит –
Живу я ожиданьем счастья
И счастлива уже я этим...

ОБРАЗ:

И ещё тем счастьем, которое передано мне по праву наследования от моих предков. Они любили землю, называли её ласково – «земля-матушка кормилица», срослись с нею – попробуй раздели, оторви...

Следует 2-й фрагмент фильма, посвящённого жизни и творчеству В. И. Сядневой. Поэт читает свои стихи:

Мой дед кубанский хлебороб,
А бабка моя – жница.
По сторонам моих дорог
Всегда росла пшеница.
Когда шумели зеленыя
И наливался колос,
Светлело сердце у меня
И пробивался голос.
И если колос в зное чах.
А тучи где – неведомо –
Плыла тоска в моих очах
И бабкина, и дедова.
Мне не уйти от той тоски,
От радости, тревоги...
Я собираю колоски
Вдоль всей моей дороги.

ОБРАЗ:

Святое отношение к хлебу, без которого человеку никак не прожить на земле, – это тоже у меня в крови, от предков. И ещё от войны, от послевоенных лет, когда мы, дети, не только каких-то там сладостей, но даже настоящего хлеба не знали, а только мечтали о нём – пышном, духовитом и вкусном – по рассказам взрослых. Ведь я родилась в сороковом году, накануне войны, которую назовут потом самой кровопролитной в истории человечества.

Я огненного времени птенец,
Опять над полем брани пролетаю
И вижу, как рассыпанную стаю
Подкашивает там и тут свинец...

1 ведущий:

Огонь разлучный гнёзда все спалил,
Обуглил птиц живое оперенье...

Господь, на что мне грустное прозреньё? –
Но бог войны всегда неумолим.

2 ведущий:

О жизнь – всего прекрасного венец!
Победа всем была такой наградой!
Зачем же вновь круги земного ада
Высвечивает память-светунец?!

1 ведущий:

Я – огненного времени пленец.
И, над землёю пролетая низко,
Где поднялись кресты и обелиски,
Вновь склёвываю жалящий свинец!

ОБРАЗ:

Когда я по возрасту своему была уже в состоянии осмыслить, что происходит вокруг, действительность меня не бедностью пугала, не жмыхом, которым мы стачивали некрепкие зубы, не супом, непонятно из чего приготовленным, а трагедиями станичной жизни, изнурительной работой. А как хотелось быть поближе к шёлковой траве, к мягким губам жеребят, щекочущих ладонь, к набирающим молочную сладость колоскам.

Налетело время чёрной стаей,
Дни мои погнало торопя,
Я из-за него другою стала,
Не похожей на саму себя...

2 ведущий:

Рано Валентина выпорхнула из гнезда. А ещё раньше впряглась во взрослую жизнь: семья была большая, их, детишек, у Пелагеи Мироновны и Ивана Михайловича было шестеро. Валюшку отец любил больше всех, хотя и виду не подавал, чтоб не вызывать ревность остальных братьев и сестёр. Валентина была шустрой, сметливой не по годам, во всём любила быть первой.

– Лидерские её склонности в совхозе заметили и предложили – в пятнадцать-то лет! – стать звеньевой в овощеводческой бригаде.

ОБРАЗ:

– Да... и я с радостью согласилась, а вскоре едва ли не со слезами на глазах жаловалась бригадиру: «Я говорю Нинке: ты чегой-то сорняк тляпкой

загартываешь, а кукурузу подсекаешь?! А она – мне: Не указывай... шмакодявка!»

Актриса:

Довелось «малолетке» всего испробовать, на что только богат сельский уклад: а ну побегай по горкам и ярочкам за овечками, «сгоняй» в яр за свежей травкой для коровушки-кормилицы, да кроликов... А то зовут овощи перебирать в хранилище – здоровые-сюда, гнилые – в сторонку, и зерно на току веять, и сорняки тяпать тяжёлой мотыгой под горячим солнцем...

Намечалось новое понимание жизни, переливалось оно через край души. И ей, душе, тоже надо было расти, становиться необозримой:

ОБРАЗ:

Создаю я свой мир по утрам
Из полей и тревожных небес,
Когда холодно, сыро горам
И когда просыпается лес.
Создаю я свой мир
 пусть звенит!
Из травы и сиянья лучей,
Когда солнце уходит в зенит...
Создаю я свой мир из ночей.
Даже если вокруг ничего –
Ни тропы, ни звезды, ни огня –
Создаю я свой мир, и его
Бесконечность
Пугает меня.

1 ведущий:

Стихи она начала писать рано, они-то и помогли ей в выборе жизненного пути. Без учёбы – никуда! – это поняла Валентина очень скоро. Среднее образование завершила в школе рабочей молодёжи, затем поступила в педагогический институт – сначала в Томский, потом перевелась в Ставропольский педагогический.

2 ведущий:

Выйдя замуж за военного лётчика, Валентина Сляднева оказалась в Сибири. Затем будет в её судьбе Урал, волжские просторы и даже заграница... Видно, судьба шла ей навстречу, понимая, что растревоженному сердцу поэта хочется заключить в себя всю огромную землю, всю Вселенную...

Сполохами небо опоясано,
Вылетают искры из трубы...
Я Уралу, может быть, обязана
Зоревою линией судьбы!
Сроду я чугуна в печах не плавила,
Не звенел в руках моих булат,
Но его неписаное правило –
Щедрым быть – само бесценный клад.
Каждым нервом я с Отчизной связана,
Чту судьбы и медь, и серебро...
Я Уралу, может быть, обязана
Верую и в дружбу, и в добро.

ОБРАЗ:

Живя на Урале, я вижу стога облаков
Над жаркой Кубанью и жёлтого поля круженье.
Там нету железа, но знаете, как велико
И как постоянно просторов родных притяженье!

Звучит песня «Перекрёсток»:

Бьётся ветер в лицо мне и колючий, и жёсткий,
Я иду к перекрёстку убежавших дорог.
Побелило их утро синеватой извёсткой,
Красно-бурым шиповник без листвы весь продрог.
Я иду к перекрёстку мимо звонких акаций,
Облетевших акаций, что прижались к дворам.
Он позвал меня в путь и позволил остаться,
Чтоб могла я порой возвращаться сюда по утрам.
Я иду к перекрёстку, ветер щёки мне студит.
Вот и старый колодец, и знакомая дверь...
Для меня ты, Россия, начиналась отсюда,
Но об этом узнала я только теперь.

1 ведущий:

Обыкновенная её судьба, похожая на тысячи других, была главной её темой. Свою жизнь она не отрывает от судеб своих земляков, своих соотечественников. Тех, что выплавляют сталь, пахут землю, чьи трудовые руки создают всё прекрасное на земле. Они-то и есть – те самые, которых называют народ. И сама она – его частица, его голос, его бессмертная душа.

Люблю твой бережок с камушком,
Солдатская вдова Аннушка.
Ну что поникла ты плечиком?
У бережка сидеть легче ли?
Вода течёт, течёт, мутится,
По ней плывёт, плывёт утица.
Роняет на волну пёрышко.
Я на тебя взгляну солнышком.

2 ведущий:

Не хочу я виноватить время,
Сваливать все беды на него:
Не оно бросало в землю семя –
По сто бед росло из одного
Не оно дарило нам игрушки:
Каменные тяжкие круги,
Названные кем-то – крупорушки, –
Да на ёлку – звёзды из фольги.
Да проклятый холод вездесущий,
Среди нас решивший гнёзда вить,
Да кирпич, что звался – хлеб насущный, –
Что не откусить, не проглотить!
Это время самой чистой верой
Наполняло детские сердца,
Пусть сходили краски – кроме серой,
У меня и у тебя с лица.

Не хочу я виноватить время
В этой недалёкой стороне!
Я несу его слепое бремя –
Не одна –
Со всеми наравне.

1 ведущий:

Как много музыки прогорклой
И слов-булыжников! Права
Природа в том, что на задворках
Растёт не худшая трава.
Иначе как ей сохраниться?
Иначе как ей уцелеть?

В корнях тех трав века хранится
Железо родины и медь.

Сосед не верует в соседа,
Неправый зачастую прав...
Но есть он, есть он в стоге сена –
Особый запах редких трав.
Он из лучей небесных соткан...
Ужель неведом он кому?!
Я знаю, на земле отцовской –
Ему лишь править одному.

2 ведущий:

Да, от корней своих она никогда не уходила. Это ведь лишь перекасти-поле забывает о них и несётся в открытой степи, куда только дунет ветер, чтобы никогда уже не возвратиться обратно. Дух родного уголка земли, где родился и вырос человек, навсегда вселяется в его память – запахом печного кизячного дымка, ароматом поджаренных на костре молочных колосьев пшеницы... Каждая половица отцовского дома поскрипывает, словно вызывая к жизни голоса ушедших предков...

Тень свою раскачивает маятник,
За столом собралась вся семья:
Мать с отцом и дедушка мой – праведник,
Трое братьев, и сестра, и я.
А на стенах порознь или вместе
В рамках снимки нашей родовой.
Пусть пройдёт сто лет, а может двести,
Эту хату вспомнит правнук мой.
И войдёт... Чуть скрипнут половицы,
И в глаза заглянет, молодой,
Дедушка из вольной из станицы
С дикою густою бородой.
Вот на фото он сидит, спокойный,
К высоте душа стремится предел:
На него и сам Господь с иконы
С явным уважением глядел.

1 ведущий:

К русской печке луч приладит полдень,
Вздумает петух до света петь...

Правнук мой потрогает щеколду
Прежде чем в свой космос полететь.

ОБРАЗ:

А если заглянуть в заветный бабушкин сундучок... Давнее, кажется, навеки канувшее в прошлое, вмиг оживёт в моей духовной памяти...

Не в моде шаль,
Но, боже, что за сила
Меня влечёт к узорам и кистям!
Как будто я её сто лет носила,
Ходила в ней, красуясь, по гостям.
Как будто сече отданное тело
В осиротевшей пустоте жилья,
Накинув шаль, что разом вдруг чернела,
Часами оголашивала – Я!..
Не в моде шаль,
Но я её наброшу,
Раскину руки, словно полечу....
И прошептал: «Какой узор хороший!»,
Задумавшись, надолго замолчу...

ОБРАЗ:

Таково говорящее молчание поэта. Оно порой красноречивее всех слов.

Сколько раз, не проронив ни слова, я подолгу смотрела на пустой рукав своего отца... Боже, что пережили наши отцы, деды, и совсем ещё юные безусые ребята, вчерашние школьники, там, в крошечном аду войны! Мне всегда хотелось найти такие слова, которые западали бы читателям прямо в сердце. И всегда оказывалось, что лучшие из них – те, которые сердце и диктует...

Следует 3-й фрагмент фильма, посвящённого жизни и творчеству В. И. Сядневой. Поэт читает свои стихи:

У отца с войны руки не стало.
Не стало – правой, а она – ловчей...
Он – левой пилит, режет хлеб и сало,
И ладно печь кладёт из кирпичей.
Он столько лет живёт с одной рукой,
А всё привыкнуть к этому не может,
И сердце не уходит на покой,
И боль в предплечье в непогодь тревожит.

Цветёт подсолнух, созревает просо,
И падает, и снова тает снег...
Отец мой – левой отбивает косу,
Стреляет правой по врагу во сне.

ОБРАЗ и 2 ведущий: *Читают стихотворение «Бабушка».*

– Бабушка, снова куда собираешься?
– В поле картошку копать.
– Что же ты, бабушка, эдак-то маешься?
– Милая, как это знать!
Ведь без работы измаюсь подавно я,
Годом покажется день.
Возится с тёлочкой, с травкой-отавою,
Чинит упавший плетень.
– Ну а куда же помощники делись-то?
– Тут они, внученька, тут:
Речкой шумят, поднимаются деревцем,
Маками в поле цветут.
– Тут они! – бабушка в грудь постучала
Слабой костлявой рукой.
Словно в ответ ей птица вскричала
Над заревою рекой.

1 ведущий:

Всюду, где бы ни приходилось бывать Валентине Ивановне, словно бы незначай, ненароком, кололи ей сердце остроконечными звёздами обелиски, вставшие над могилами соотечественников. Сколько их? Не счесть.

Россия, как мне боль твою постичь?
Что будет, если впрямь понять сумею
Молву листвы и журавлиный клич
Над длинною безмолвною аллеей,
Где спят герои. Им ни есть, ни пить
Уже не надо, крепкий сон их длится.
Детей им не придётся хоронить
Под знаменем красно-багровых ситцев.
И пусть твоих побед размах велик!
Кровоточит в тебе луны сиянье
На кладбище, где материнский крик

О каменные бьётся изваянья...

2 ведущий:

Ты всем и мать, и верная жена.
Бинтует твои раны давний ветер...
Где битвы шли, где нынче тишина,
Стоишь ты с теми, кого нет на свете.
Величие твоё – нет, не мираж!
Не много тех, кому слова – тирады.
Наследникам героев ты отдашь
Знамёна их и честные награды.

Песня «Солдатские кресты»

Ночь войны. Материнское сердце не спит.
Гул бомбёжки и горечь блокадного хлеба...
Соловьиную рощу свинцовая вьюга знобит –
Не кусты, а кресты поднялись тут до самого неба.

Припев:

Солдатские кресты, кресты и обелиски
Стоят на всех ветрах, погостах продувных,
У полевых дорог и на холмах российских,
Застыли и в глазах у россиян живых.
Заревою росой край родимый умыт,
Не увидеть нам смерть через прорезь прицела,
И в атаку идём вместо тех, кто вчера был убит,
Кто за мирное небо платил ту огромную цену.

Припев

Тусклый блеск орденов различаем ещё
На груди наших старых солдат-ветеранов,
Вытирают они в День Победы слезинки со щёк
И молчат вместе с нами у Братских могил и курганов.

Припев

ОБРАЗ:

– Очень рано моя творческая судьба «вплелась» в мою биографию, и, как у многих писателей, – в судьбу Родины. О родине все чаянья мои! С незапамятных времён не считается зазорным называть свой уголок земли

лучшим. Красоту жизни ощущение радости, света каждого дня, мир и покой,
– именно это хочется оставить на память будущему поколению.

ОБРАЗ и 1 ведущий:

Всё со мной: дней раскрытые ставни,
Вешний паводок, утро в лесу...
Вот уйду и – не станет, не станет
Мира,
что я с собой навсегда унесу.

2 ведущий:

Оттого и заранее маюсь,
Не желая удела понять,
Оттого высоко поднимаюсь,
Чтоб всю жизнь горизонтом обнять.
Оттого – пусть мой довод не веский
И не нов, а наивен слегка! –
Я завидую каменным фрескам,
Пирамидам, стоящим века.

*Следует фрагмент фильма, посвящённого жизни и творчеству
В. И. Сядневой.*

В кадре поэт читает свои стихи:

Не года я считаю свои, а века,
И порою мой голос мне слышится издалека.
К милосердию судьбы я взывала с мольбою не раз,
Натекли по слезинке моря и озёра из глаз!
Никуда не уйду я с земли незакатной моей,
Где волнуют ветра кудри светлых моих сыновей.

1 ведущий:

Не ведаю, сколько дорог мной исхожено,
Но всюду со мной звон колосьев и шорох ветвей...
Любить мне Россию судьбою положено,
Ей быть суждено лебединою песней моей.
И дочке, и сыну оставлю отчизну я,
Её им беречь и печалиться с ней.
И падать им сызнава, и падать им сызнава
В рассветную зелень цветущих полей.
Люблю я покосы, и пашни, и пажити,

И облик крестьянки в косынке почти до бровей,
И отчее слово, и память, что нажита...
Россия, былинкой навеки останусь твоей.

2 ведущий:

Я борозды полей читаю, как стихи.
У них свои слова, у них свои сюжеты...
Далёкая родня, оплакала уж ты
И замолила все пустячные грехи.
С тобою мы – одно! Пусть в тысяче имён
Облачена ты вся, как в ситцевые платья!
О, до чего же мил мне ветерок невнятный,
Что вырвался, как вздох, из канувших времён!
А борозды бегут просторами веков,
А борозды лежат под ливнем и порошей.
Наступит мой черёд – и я зерно в них брошу,
Оно добыто мной из вечных колосков.

1 ведущий:

Не синим туманом дали повиты –
Любовью моей.
И не ветвями склонилась ракита –
Печалью моей.
То не пшеницу полощет ветер –
Платье моё.
Нет, то не солнце так щедро светит –
Сердце моё.
Не хмелем июнь заплетает ограду –
Моею тоской.
И не вином наливается кисть винограда –
Моею слезой.
То не река разлилась половодьем
Во все края –
Древним сказаньем где-то здесь бродит
Жизнь моя...

ОБРАЗ:

Уйду я в землю, с вами разминусь.
Мелькнёт, исчезнет в поднебесье птица.

Ни к чаю, ни к обеду не вернусь,
Никем я вам не буду приходиться.
Судьба подарит вам ручьи, леса,
И небеса, и соловья на ветке.
И в дорогом застолье голоса
Давно ушедших светлоглазых предков,

ОБРАЗ:

Что пели песни, собирали мёд,
Хранили родниковые колодцы...
Уйду я в землю.
Пусть она живёт!
Пусть никаким варягам не сдаётся!

Песня «Ставрополия». Композитор К. Губин.

Вновь земля расцвела,
Вся в зарницах от края до края...
Две руки – два крыла
Я, как птица, над ней простираю.
Пусть хранит её Бог!
И долины. И пашни, и речки...
Ждёт отцовский порог
И сияет резное крылечко.
Бой перепелов слышу в поле я,
Запах чабреца чую в горнице.
Одари меня, Ставрополия,
Звонами цикад, песней горлицы.
Лето, травы стели:
Мать-и-мачеху и подорожник,
Чтобы пели вдали,
Трепетали ракиты тревожно,
И мои берега
Уплывали со мной на пароме,
И летели снега
Белой стаей, садясь на ладони.
Придорожную пыль
Здесь клубили и дед мой, и прадед.
Будет снова ковыль
По лицу меня ласково гладить!

Будут петь тополя
И пастись по буграм мериносы,
И кружиться земля,
развевая зелёные косы.

2 ведущий:

Красно солнышко в зените,
Под ногами – зелень-шёлк...
Что хотите говорите –
Жить на свете хорошо!
Я-то чувствую, я знаю
Будет в лучший час земной
Куличка душа родная
Разговаривать со мной.
Смоют грязь дорог дождинки,
Зарубцуют дней ожог
Сердцу милые картинки:
Косогор и бережок.

ОБРАЗ:

Буду жить напропалую –
Все дела я завершу! –
Проживу одну – вторую
Жизнь у Бога попрошу.

1 ведущий:

Вот и подошёл к концу наш рассказ о человеке, женщине, которая мечтала вымолить у Бога вторую жизнь... И она её получила, заслужила своим талантом, неустанным трудом. И всей своей судьбой – человеческой, женской, материнской...

И, разумеется, творческой судьбой, которая вся – в книгах поэта...

2 ведущий:

Память о любимом поэте Валентине Ивановне Слядневой живёт в душе всех, кто знал и любил этого прекрасного талантливое человека. На сельском погосте в селе Надежда установлен мемориал её памяти, а на одной из улиц – памятник. В школе, где училась будущая поэтесса, открыт музей. Его экспонаты воссоздают облик нашей талантливой землячки, рассказывают о жизненном и творческом пути. Имя поэта носит Краевая библиотека для молодежи в Ставрополе, ведь Валентина Ивановна с большим вниманием относилась к подрастающему поколению и много сделала для воспитания у

них чувства патриотизма, гражданской ответственности и любви к родной земле. Именем В. И. Слядневой названа одна из улиц Ставрополя, Литературный фонд, который носит её имя, учредил именные литературные премии и стипендии для студентов вузов и молодых писателей и поэтов. По инициативе министерства культуры Ставропольского края и общественных организаций Валентине Ивановне Слядневой присвоено звание Почётный гражданин Ставропольского края.

1 ведущий:

Нам есть, что сохранять для будущих поколений, что нести современному, особенно молодёжному, читателю, основываясь на многообразном творчестве Валентины Слядневой.

Песня «Вновь со мною ты, Ставрополь».

...Наши поэтические души перекликались...

Так писала В. И. Сляднева о В. Нарыжной, которая ушла из жизни в самом конце этого сложного года.

Валентина Васильевна – Лауреат Литературной премии имени В. И. Слядневой, постоянный участник слядневских литературных чтений. Мы любим и ценим ее чистые, простые до гениальности и проникновенные в своей любви, стихи.

На свете просто надо жить:
Растить хлеба, молиться Богу,
Людей любить, и жизнь любить,
И не копить в душе тревогу.
И к той березе, где овин,
К тому подсолнуху, что в поле,
Пусть иногда приходит сын,
Чтобы душой потрогать волю.
И к родничку, что пересох,
И где пернатых прячут тёрны,
Чтоб сердцем слышать каждый вздох
Земли родной, где наши корни...

Двух Валентин связывала тесная многолетняя дружба. К Седьмым слядневским литературным чтениям В. Нарыжная написала стихотворение...

Рюмка слез

Памяти Валентины Слядневой

Снова в соку калина,
Декабрь стоит на краю.
Я тебе, Валентина,
Песню свою дарю.
Я б до тебя докричалась,
Мы бы пошли в поля.
Я б до тебя достучалась,
Да дубовая дверь тяжела!
Где-то за дальними далями
Прячется луч от грозы.
Мы собрались, но без Вали
Рюмка полна слезы.
Стукнет в окно рябина,
И долетит: «Привет!»
Помню тебя, Валентина,
Память несу, как крест.
Иду по твоим тропинкам –
Надежда, Гремучка, Ташла...
И на юру косынка
Бьется, как два крыла.
Жаль, что у жизни вечной
Обратной дороги нет.
И только в душе человеческой
Памяти вечный след.
Давайте вспомним, друзья,
Давайте выпьем, друзья.
И царство небесное ей придёт.
Давайте помнить ее,
Давайте помнить всегда,
И память ей вечная будет.

А сегодня мы говорим: «И память ей вечная будет...» уже самой Валентине Васильевне.

И Божий дар. Валентина Нарыжная

Сляднева Валентина Ивановна, 2006 г.

Лет 25 назад я впервые приехала в станицу Новомарьевскую – пригласила меня директор Дома культуры Валентина Нарыжная, предложила выступить перед хлеборобами.

С теплотой в душе вспоминаю то время. Встреча на полевом стане оставила неизгладимый след в моей памяти. Был обеденный перерыв, хлеборобы собрались в столовой под открытым небом. Лица загорелые, обветренные, на рубахах – пот, глаза искрятся светом. Кто-то ещё стоял у стенда с вывешенными показателями и молнией «Они сегодня впереди».

Я сама только что приехала с Урала на побывку к родителям. Надо сказать, что давненько не выступала перед ставропольцами. Вышла и начала читать стихи о земле, о любви, об Урале. Валентина Нарыжная, представлявшая меня на этой встрече, подсказывала: «Вот это, вот это, Валентина Ивановна прочтите». Она тогда уже знала на память стихи из моих первых книжек.

Потом на новомарьевской земле было много встреч: перед животноводами, стригальями, сельской интеллигенцией, перед школьниками. И, конечно же, в Доме культуры, куда послушать писателей и поэтов собралась вся станица.

Далеко не в каждом селе проводились такие встречи и велась пропаганда произведений писателей Ставрополя. Но всё зависит от людей, которые стоят во главе культуры. Валентина Нарыжная – одна из таких. Всю себя отдавала любимой работе.

Наверно потому тогда, в восьмидесятые годы, проторила дорогу в казачью станицу писательская братия Ставрополя, в их числе – Геннадий Фатеев, Игорь Романов, Иван Белоусов, Тимофей Шелухин, Татьяна Батурина, Ян Бернгард, Владимир Маляров. Да и не только писатели Ставрополя, туда ехали из других городов – Марк Тарасов, Леонид Вьюнник.

Хорошее было время. Писатель был востребован, интересен и авторитетен.

В те восьмидесятые В. Нарыжная только пробовала свой поэтический голосок, как птичка-невеличка, летающая над степью, вбирающая в себя целебные настои родных полей и степей.

Наши поэтические души перекликались. Да и не удивительно. Ведь обе мы родились на земле Ставропольского края. Обе росли под солнцем и

Сонная, полынная
В вихрях ветерка.
Дедова, былинная,
Ох, и широка!

О себе поэтесса говорит так:

Я живу по-простому, по-Божьему,
И с молитв начинаю свой путь...

Тема православия стоит у поэтессы на первом месте. Потому не случайно книге дано название «Воскресшие купола», а первому ее разделу – «Души молитвенные строки». И уже одно название сборника говорит о многом: воскрешение – это свет, дающий надежду. Люди ушли от безверия, от душевной пустоты и вновь потянулись к вере: где-то к стареньким сельским церквушкам, где-то к белоствольным городским храмам.

...И в душу плывет торжество,
О нем позабыли с годами.
Но только пришло Рождество
С воскресшими вновь куполами...

Чтобы писать такие строки, надо быть самому глубоко верующему человеку: «У праведной души стихи – молитвы»... Вне всякого сомнения, поэзия Валентины Нарыжной согревает и проникает в глубины души, заставляя о многом задуматься и, наверно, многое переосмыслить в своей жизни. Именно такой поэзией надо приобщать к вере наше молодое поколение – тех, кто в поисках своего земного пути, часто оказывается на обочине жизненной дороги. Многие стихи поэта звучат утверждающим гимном собственного сердца и собственного взгляда на жизнь.

...Я брошу семя, оно взойдет,
И будет крепким, как дедов род.
И поле будет рожать, рожать!
Его не дам я врагу топтать.

Это одновременно и боль, и великая преданность земле, своей Родине, ради которой человек готов жертвовать собой. А это не что иное, как настоящий русский патриотизм, на которомросло и воспитывалось поколение за поколением. Не могу удержаться от желания привести и эти волнующие строки об отце:

Торопился отец на луга
И косу отбивал до потемок.

И вставал он в четыре утра,
И парное пил, словно ребенок.
И дымилось сенцо на лугах,
И до крыши скирды возносились.
По уставшим отцовским рукам,
Помню, жилы горячие бились.

А с какой любовью и поклонением автор пишет о матери!

...Где Ты идешь вся в белом, босиком,
Счастливая кубанская мадонна!
И луч играет над твоим виском,
И хлеб, как солнце, на твоих ладонях...

Вдумайтесь в смысл диалога стихотворения «Дед», почувствуйте и боль, и горькую усмешку, и тонкий юмор:

Надоело ли жить тебе, старый? –
Видно время твое подошло.
А в ответ:
Ну, какой же я старый?
Костыли не сносились ишо.

Авторская индивидуальность и жизнеутверждающая сила строки Валентины Нарыжной – отличительные черты ее творчества.

С 1995 года поэтесса издала восемь поэтических сборников: «Земные чары», «Колокола России», «Рассвет над станицей», «Цветы у обочин», «Притяжение земли», «Капелька Вечности», «Пришедшая любить», «Под небом России». Новая книга «Воскресшие купола» содержит в себе стихи и прозу, песни и переводы. А это уже особый дар – охватить все, что ты можешь охватить своим сердцем.

Один из разделов этой книги – «Поклон тебе, солдат!» – поэт полностью посвятила подвигу героев Великой Отечественной Войны 1941-1945 годов, а также афганским событиям. Многие материалы раздела построены на реальных фактах. А значит, память тех грозных лет будет жить. Будет жить, покуда ее будут хранить в своем слове писатели нашего времени.

У Валентины Нарыжной много друзей: как почитателей, так истинных ценителей ее творчества. Разве не приятно слышать о себе такие отзывы: «Живу на белом свете благодаря вашим стихам. Иначе уже давно бы сломилась и поникла, как скошенный чьей-то острой косой мотылек»

P.S. За книгу «Воскресшие купола» Валентина Васильевна Нарыжная удостоена звания лауреата Литературной премии имени Валентины Слядневой.

Поколение

*Черная Татьяна Карповна,
доктор филологических наук, 2007 г.*

Кончилась Великая Отечественная война. С фронта вернулись те, кто на время стал думать, что их призвание – не творчество, а военное искусство, что важнее владение не словом, а оружием. Теперь снова захотелось писать. А память хранила войну, только теперь на почве этой памяти росли романтические цветы – мечты о счастье, уверенность в будущем, желание строить страну, дом, семью, жить спокойно и уверенно.

Вспомнился прежний опыт, опыт писателей, чей творческий путь начался еще до войны. Тогда, до войны, только недавно было создано Ставропольское отделение Союза писателей РСФСР во главе с И. Я. Егоровым – было в организации всего пять человек. Тогда, в 1941 году, вышел первый номер ставропольского альманаха, который назывался просто – «Альманах». Его предназначением было объединить литературные силы Северного Кавказа. Номер очень показателен. В нем, как на ладони, можно увидеть литературную и политическую обстановку времени.

Интересен состав авторов, тематика и жанры произведений, диапазон культурного и литературного охвата. Здесь художественные произведения, стихи и проза. Среди них стихи А. Исакова, Эфенди Капиева, И. Сосновского, повесть И. Чумака «Буруны», рассказы С. Бабаевского «Родниковая роща», «Яман Джалга», «Долина Чубук-Су». Здесь очерки о Гражданской войне на Ставрополье, отрывок из романа Р. Фатуева «Рядовой Бестужев». Здесь помещена фундаментальная статья профессора Л. Семенова «Кавказ в русской дореволюционной поэзии», которая до сих пор является одной из базовых работ в литературоведении. Особое значение этого издания заключается в том, что на его страницах помещены произведения писателей и поэтов разных кавказских национальностей. Кроме Э. Капиева, здесь Магомед Урусов, Арби Мамакаев, Хаджи-Бекир Муталиев, Джемалдин Яндиев. В разделе «Литературное наследство» напечатаны стихи Сулеймана Стальского и Коста Хетагурова. Конечно, художественный уровень произведений не всегда высок, но это тоже признак времени, когда от

литературы требовалось больше идеологии, чем эстетики. Имя Сталина мелькает повсюду, как идеологическое знамя. Однако важность этого издания несомненна. В нем уже была литература. Был взят старт, можно было ждать результатов. Война отложила этот процесс, но не погубила его.

Именно тогда, до войны, стало складываться то, что можно назвать литературным стилем. Перечитывая произведения тех лет, понимаешь, что не было еще самого главного – не было такой проблематики, которая не диктуется руководством сверху, а исходит из открывающегося только писательскому взгляду знания, знания о человеке в определенных обстоятельствах, знания о всеобщей связи вещей, которая, может быть, не столько осознается, сколько предощущается писательским талантом, но именно писательским – больше, чем любым другим. (Пушкинская художественная правда в «Борисе Годунове» глубже исторической правды Карамзина.) В 30-е годы в российской провинции, в литературе, формирующейся в среде, еще мало образованной, еще не освоившей в должной степени наследие прошлого, не наступил пока тот момент, когда писатель стал понимать свою работу не как голос всеобщей официальной морали или политической идеи, а как собственный голос. Все это так, и так это было в ставропольской литературе. Большая литература временно уехала за границу или осталась в прошлом. Но где-то в глубине шли другие процессы, прорастало умственное богатство, осознавалась собственная ответственность за сказанное слово, т. е. именно то, что характерно для большой литературы. И складывался слог, у каждого свой, и для этого хватало таланта. И. Я. Егоров, А. П. Бирик, А. М. Исаков, С. П. Бабаевский, И. В. Чумак отличаются друг от друга именно слогом. Сдержанное, грамотное, слегка юмористическое, всегда правдивое повествование Егорова с его близостью к персонажам; казачья народная речь, ориентированная к тому же на фольклор, у А. Исакова; детальный рассказ с описаниями и живой энергетикой действия у А. Бирика; синтез художественного и очеркового стилей у И. Чумака; крепкое провинциальное слово, насыщенное множеством различных эмоций, у С. Бабаевского – все это уже не ученичество. И теперь, после войны, это стало почвой и определенным ориентиром для нового поколения. Они еще писали сами, и писали много, руки дорвались до пера. Однако дороги их сложились по-разному. Бабаевский, чья талантливость неоспорима, написавший конъюнктурный (пусть и искренний) роман «Кавалер Золотой Звезды», прославился на всю страну. И. Егоров, чья талантливость тоже неоспорима, написавший очень симпатичную, но неконъюнктурную повесть «Сарматское море», уехал из Ставрополя. К. Г. Черный занялся историей литературы, стал изучать Пушкина, его

художественным книгам суждено было появиться позднее. Но теперь перед следующим поколением стояла задача писать лучше, интереснее, сложнее.

В конце 1940-х – начале 1950-х появились имена В. И. Туренской, М. В. Усова, М. Н. Грешнова, В. Н. Грязева, Б. А. Орловского, Г. П. Андриановой, С. С. Дроздова, П. П. Мелибеева, А. А. Малышева. Их писательский труд шел довольно благополучно, и книжные полки ставропольской писательской организации обогатились большим количеством произведений. В них было много благородных и правильных мыслей, появилась литературная гладкость, стала разнообразнее тематика, герои не походили друг на друга. Но не хватало блеска, яркости, глубины, рождаемой не избранной темой, а художественной образностью, многозначностью художественного высказывания. Это качество было присуще малому жанру природной миниатюры у М. Усова, который органично вошел в последующий этап развития ставропольской литературы. У остальных писателей значение произведений в большей мере определялось темой, более или менее крупной. И это было тоже закономерно, потому что свидетельствовало об осознании активной роли литературы в становлении общественной жизни страны. Но этого было мало. Хотя следует осознать и тот факт, что без этого этапа, очевидно, тоже было невозможно, и он-то сделал писателей самостоятельной силой.

Следом за ними приходят те, за плечами которых остается время разоблачения культа личности, ломка общественного устройства и мировоззрения, а следовательно, усиливается индивидуальное авторское творческое начало. Рожденные в конце 1920-х и в 30-е годы, они в 50-е и 60-е были еще молодыми. Молодость их продлевалась еще и потому, что военное детство и послевоенная юность были заняты отнюдь не писательским делом – оно ждало впереди, а значит, все, что до него, не в счет. Надо было трудиться, как все. И они это делали. Но вместе с этим получали образование. А в стране тем временем происходили события гигантской важности. Победа и беды шли рука об руку. Психологические устои человеческой личности парадоксально сочетали в себе прочность и расшатанность, устойчивость и неуверенность, оптимизм и разочарование, надежды и готовность к любой трагедии. Где-то глубоко внутри все они верили, что настает именно их час, что им «дано». Они были убеждены в своей талантливости, каждый хотел быть первым, ревниво смотрел на успехи товарищей, при этом искренне им радуясь. Писательская организация загудела. Творческие поиски, амбиции, остроумие, розыгрыши, споры, радость и злость – было все. Один за другим они становились членами Союза писателей. Но никогда не теряли друг друга из виду. Кто-то из них был

постарше, кто-то помоложе, но это осознается лишь сейчас, а тогда они были все равны, хотя объективно это было и не так.

Общей темой навсегда остается Великая Отечественная война, подвиги и страдания народа, гордость победой и скорбь о погибших. Об этом писали практически все – начиная от участников Великой Отечественной войны А. Исаков, С. Бабаевский, К. Черный, Э. Капиев, В. Ащеулов, В. Марьинский, И. Чумак, П. Мелибеев, М. Усов, Грязев, С. Дроздов, Е. Карпов, И. Романов, В. Байдерин, С. Никулин, И. Кашпуров, Л. Епанешников, В. Дятлов), и все, чья память бережет годы военной трагедии и военного героизма (поэты Г. Фатеев, В. Гнеушев, А. Екимцев, А. Мосинцев и др., прозаики В. Туренская, Л. Бехтерев, В. Колесников, В. Чернов и др.). Но теперь писателей занимают самые разнообразные проблемы. Жизнь мощно входит в литературу, доказывая, что нет малых и больших тем, что внимания заслуживает и прошлое и настоящее, что самое главное – как формируется и живет человек и как в соотношении самых разных обстоятельств проявляются мировые проблемы. Усложняются жанровые системы, очерковость художественного текста осознается как рудимент уходящего времени. В поэзии появляется лирический герой, характеризующийся не просто социальными или политическими стремлениями, а яркостью и многоаспектностью мироощущения, серьезностью личных раздумий о жизни. Предметом лирических переживаний становится вся окружающая жизнь с ее природой и обществом, профессиональными и личными интересами, с проблемами культуры и образования, любви и других человеческих отношений, с философскими поисками и религиозными убеждениями. Соответственно меняется вся эстетика творчества, выходя постепенно на тот уровень, который соединяет новую литературу с классикой, с постоянным поиском новых литературных форм.

В ставропольской литературе, как, очевидно, и во всех областях нашей жизни, 1960-е годы стали периодом расцвета. Тогда сразу появилось много новых имен, регулярно издавался альманах «Ставрополье», именно тогда приобретший читательскую популярность. Во главе писательской организации в 1960 году стал К. Г. Черный. Он же стал ответственным редактором альманаха. Человек внутренней интеллигентности, порядочности и непоказного достоинства, он приложил много усилий для поддержки молодых талантов, требуя от них, главным образом, одного – неустанного и повседневного труда. Да и сам стал создавать повести и романы, в сущности, в этот период времени. При активном жанровом разнообразии творчества (писались романы, повести, детективы, циклы рассказов, поэмы, стихи разнообразных форм для взрослых и детей) литературный процесс

приобретает стабильность, позволяющую поэтам и писателям определить свою тему, свой почерк и стиль. Зазвучали в поэзии имена Г. Фатеева, И. Кашпурова, В. Ащеулова, В. Гнеушева, А. Мосинцева, А. Екимцева, Г. Колесникова, И. Романова, В. Слядневой, Р. Котовской и др. Все они нашли свою дорогу, состоялись как поэты. Одни сосредоточились на глубоком самовыражении, как, например, А. Екимцев или Г. Колесников. Другие нашли вдохновение в тех внешних обстоятельствах действительности, которые пронизали их жизнь и жизнь всех людей вокруг. Тогда и проза обрела плеяду своих имен: Г. М. Шумаров, В. Белоусов, В. С. Чернов, В. С. Колесников, Т. С. Шелухин, А. В. Коротин, В. А. Ярош, С. П. Бойко, чуть позже В. И. Кожевников, В. К. Маляров, А. Т. Губин.

Плеяда поэтов, не похожих друг на друга, имеющих свое лицо в манере письма, в характерной образности, – это уже авторы, о которых можно говорить, что у них есть своя жизненная философия или, по крайней мере, своя тема и позиция.

В. Ащеулов – поэт войны, солдатской жизни. Мастер своего дела, и этой печатью мастерства отмечены не только стихи на любимую тему, но и все остальные – о родине, о любви, просто лирические раздумья, которых не избегает любой поэт, потому что просто «думает стихами», как сказал когда-то Пушкин. Весь потенциал его жизни оказался востребованным для войны с врагом. Отсюда и обостренное чувство родины, и мотивы героизма, понимаемого как суровый военный труд и необходимость, и пронизанность каждого чувства и каждой мысли сравнением с теми переживаниями, которые были перенесены во время войны. В любом сборнике стихов Ащеулова звучат стихи о войне, о фронтовых буднях, о солдатском подвиге, о результатах войны. Он признается в одном из стихотворений:

Каким бы ни предался я мечтам,
Мне не уйти от памяти суровой.
Былое неотступно по пятам
За мной шагает в зареве багровом.

А понятие прифронтовой полосы становится метафорой трудного выбора и преодоления самого себя, когда есть понятие долга. Стихи Ащеулова, может быть, и не самые выдающиеся в русской поэзии. Но это хорошие стихи, они не только искренни, но и характерны по своему смыслу для многих и многих людей его времени. Да и не только его, несколько последующих поколений сформированы теми чувствами, которые мы в них находим. И это дорогое для нас наследство.

Есть фронт и тыл.
Есть гибель и бессмертье.
Есть в жизни и другие полюса.
И есть еще на этом белом свете
Прифронтная полоса...

В. Маяковский и А. Губин: творческие схождения

*Чекалов Петр Константинович,
доктор филологических наук, профессор*

А. Губин не раз подчеркивал, что в начале творческого пути ориентиром в поэзии для него служили символисты, а в иных случаях даже конкретизировал имена: «В тяжкие послевоенные годы я писал по образцам Брюсова, Блока, Цветаевой, Верхарна, Бодлера...» [1, 13]. Маяковский в числе поэтов, которым будущий автор «Молока волчицы» симпатизировал в юности, не отмечен. И, тем не менее, он оказал на молодого Губина влияния если не больше, то никак не меньше, чем символисты. Помимо знаменитой лесенки, начинающий стихотворец в 1950-е гг. заимствовал у старшего собрата ритмику и синтаксис:

Я тоже за мир и сейчас,
и встарь –
Сколько пришлось
понести потерь мне!
Но надо бы нам,
господин Секретарь,
Как философам,
договориться о термине.

«Проповедь Даллеса»

В этих губинских строках нельзя не уловить интонационного строя стиха Маяковского.

Стихотворение «Трудные дни», описывающее траур по кончине И. В. Сталина в начале марта 1953 г., также вызывает ассоциации с произведениями Маяковского о В. И. Ленине:

стихотворения Маяковского: «Товарищу Нетте – пароходу и человеку». Их объединяет мотив возможного расставания с жизнью, достойной встречи своего конца.

Стихотворение Губина интересно не только ассоциациями с творческим почерком Маяковского, оно привлекательно раскованностью стиля, непосредственностью авторского ощущения, простым, незамысловатым языком, отсутствием искусственности и надуманности. Это очень органичные стихи. Их разговорная интонация настолько естественна, что создается ощущение, что их так и произнесли с первого раза без редактирования и шлифовки. Отметим и то, что «В Пушкино» является не только одним из лучших стихотворений Губина зрелого периода, но и одним из лучших посвящений Маяковскому в советской поэзии.

Влияние первого пролетарского поэта на ставропольского писателя не ограничилось рамками поэзии, оно распространилось и на мировоззрение, восприятие и оценку окружающей действительности. В заключительной части романа «Траншея» Губин приводит реальный факт о том, как в Пакистане двух влюбленных застали в поцелуе до официального брака. Живыми их положили в яму, и толпа стариков, женщин и детей забросала могилу камнями. После описания жестокой расправы над молодыми людьми Губин выражает собственное отношение к произошедшему: «Мировое сообщество и наша страна тоже чтут принцип невмешательства во внутренние дела других стран. Но за себя я не уверен: окажись я в том Пакистане в тот миг с автоматом – я бы пустил автомат в дело против женщин, детей и стариков» [2, 271]. Так открыто демонстрировал писатель органическое неприятие насилия и зверства.

В 1925 г., будучи в Мексике, Маяковский посетил корриду, описанную затем в очерке «Мое открытие Америки». Пышный, переливающийся блестками парад, беснующаяся 40-тысячная аудитория, бросающая котелки, пиджаки, кошельки любимым тореадорам на арену, игра красной тряпкой с быком – это пролог. Кульминация зрелищного представления наступила тогда, когда в шею быка пикадоры стали втыкать копыя, обрывать ему бока, после чего бык в ярости так распорол рогами живот одной лошади, что та еще секунду носилась по арене с вывалившимися кишками. И именно тогда «зловещая радость аудитории доходит до кипения». Свое восприятие подобных жестоких игр Маяковский выразил следующим образом: «Я не мог и не хотел видеть, как вынесли шпагу главному убийце и он втыкал ее в бычье сердце. Только по бешеному грохоту толпы я понял, что дело сделано. Внизу уже ждали тушу с ножами сдиратели шкур. Единственное, о чем я жалел, это о том, что нельзя установить на бычьих рогах пулеметов и нельзя

его выдрессировать стрелять. Почему нужно жалеть такое человечество?» [3, 1, 667].

Два приведенных фрагмента красноречиво свидетельствуют о солидарности авторов в непримиримом отношении к варварству и дикости. Проявление жестокости над другими людьми и существами они не могли оправдать ни адатом, ни шариатом, никакими национальными традициями и обычаями. Более того, они считали возможным в отношении к участникам подобных расправ применение не менее жестокого обращения.

В заключение хотим обратить внимание еще на одно схождение – расхождение двух писателей. Осознавая переменчивость времени и большую вероятность «устаревания», несоответствия произведения требованиям нового дня, Маяковский в предисловии ко второму варианту «Мистерии-буфф» писал, обращаясь к тем, кто в будущем будет играть, ставить, читать, печатать его пьесу: «Меняйте содержание, – делайте содержание ее современным, сегодняшним, сиюминутным» [4, 9, 106]. Маяковский разрешал обращаться с его творением так, как это заблагорассудится потомкам, лишь бы его произведение оставалось полезным, не теряло своей действенной силы.

Любопытен факт того, что и Губин в финале своего романа «Траншея», как и Маяковский, обращался к потомкам, но своим авторским правом он распоряжался уже совершенно иначе: «Экранизациям, инсценировкам, переделкам вплоть до балета и переложениям роман не подвергать: он, может и драматургичен, но все равно роман не драма, лирика не зрелище» [2, 286].

Приведенный материал свидетельствует, что ставропольский поэт и писатель А. Т. Губин не раз оказывался в сфере притяжения личности и поэзии В. В. Маяковского.

Список литературы:

1. Губин, А. Т. Превенция / А. Т. Губин // Афина Паллада. Из книги поэтов. – Нальчик: Эль-Фа; Эссентуки: Молоко волчицы, 1996.
2. Губин А. Траншея / А. Губин. – Нальчик: Эль-Фа; Эссентуки: Молоко волчицы, 1995.
3. Маяковский В. В. Мое открытие Америки // Маяковский В. В. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Правда, 1987.
4. Маяковский В. В. Собр. соч. в 12 т. Т. 9. – М., 1978.

Неизвестное стихотворение из архива А. Т. Губина

*Асрян Майя Михайловна,
учащаяся МКОУ «СОШ № 9»,
ст. Темнолесская*

В 1992 году ушел из жизни самобытный прозаик Ставрополя – Андрей Терентьевич Губин. Через пять лет, в 1997 году, трагическая смерть настигла его супругу, М. Н. Губину. Еще через четыре года скончался его сын, А. А. Губин, вследствие чего архив писателя оказался у жены Губина-младшего, М. С. Кузнецовой. Мать её, Г. А. Кузнецова, передала архив А. Т. Губина филиалу Кисловодской центральной городской библиотеки № 6, где он пролежал до марта 2012 г., после чего был передан в Литературный Центр г. Ставрополя. С апреля 2013 г. архив А. Т. Губина хранится в отделе краеведения Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова.

Всего архив насчитывает 54 папки, в которых сложены машинописные тексты изданных и еще не увидевших света романов, стихов, сценариев, писем... В одной из папок хранится уже давно известный читателю роман «Молоко волчицы» с новой главой «Мед гадюки». Этот вариант романа был издан после смерти писателя в 1994 году его вдовой.

Самыми интересными архивными материалами являются те, что ранее никогда не публиковались: рукописи трактата «Антисемит», романов «Белая нефть», «Гравитанта», сценариев, пьес. В трех папках лежат и ждут своего часа стихи Андрея Терентьевича. Не все знают о том, что Губин в первую очередь считал себя поэтом, а потом уже – прозаиком, хотя ни одного стихотворного сборника при жизни своей не издал. Изредка занимался он и переводом.

Среди рукописей писателя обнаружен машинописный листок с переложением стихотворения корейского поэта Хо Ун Пэ «Фронтальная сумка». В связи с тем, что данный текст никогда не печатался, позволим себе воспроизвести его целиком:

С автоматом в руках,
В клубах черного дыма,
Я ходил по израненной,
Гордой стране.
Сигареты, патроны
И письма любимой –
Даже дом и постель –

Я носил на спине.
Отягченная книгами,
Рисом и кружкой,
На походе хоть брось –
Лямки сумки тесны.
Но зато на привале
Служила подушкой,
На которой мне снились
Счастливые сны.
Когда буду я дома,
Ребята и деды
Меня спросят про орден –
И что я скажу? –
Как остался я жив?
Как дошел до победы? –
Я безмолвно им сумку
Свою покажу.
Она стала пятнистой
От горького пота.
Прогорела она.
Прочернела в дыму.
И пройдя через горы,
Леса и болота,
Я высоко ее
Как дитя
Подыму!

В конце стихотворения проставлена дата – 1953 год. Чуть ниже наименования приводится указание: «Перевод с японского».

Тут необходимо пояснение: Хо Ун Пэ – кореец по происхождению, но писал он на японском языке.

Как явствует название стихотворения, посвящено оно не воинам, не их героическим деяниям, не безымянной высоте, фронтовым дорогам, оружию, землянке, гармони, шинели, котелку, ставшим расхожими атрибутами русской военной лирики, а обычному походному вещевому мешку, который лирический герой пронес с собой через всю войну. Несмотря на то, что сумка пропиталась горьким потом, стала пятнистой, прогоревшей от костра, почерневшей от дыма, она дорога солдату тем, что является спутницей его фронтовых испытаний, помогла выжить в тяжелейших условиях боевых

действий, храня в себе столь необходимые воину сигареты, патроны, кружку, книги, рис... Она же выступает связующей нитью солдата с любимой девушкой и домом, одновременно выступая в качестве постели и подушки. Вероятнее всего, и любимая, и родной дом приходили к нему в «счастливых снах» во время коротких привалов, когда он засыпал, подложив под голову вещмешок. Лирический герой убежден: в том, что он награжден орденом, дошел до победы, остался жив, он в немалой степени обязан своей фронтовой сумке, олицетворяющей в себе не только вещественные атрибуты армейской жизни, но и ее духовную составляющую.

Также можно отметить, что по своему звучанию переводное произведение отличается от стихотворений самого Губина большей лиричностью, мягкой интонацией.

Современные интернет-ресурсы позволяют составить небольшую биографическую справку о корейском поэте. Он родился в 1928 г. в Китае в семье корейских патриотов, принимал участие в Корейской войне начала 1950-х гг., а затем оказался в Москве, где он учился на сценарном факультете ВГИКа (1952-1957), преподавал в Среднеазиатском государственном университете (1958-1964), работал в отделе Японии Министерства культуры СССР (1964-1988), являлся основателем и президентом Московского международного (корейского) университета (1988-1996). В 1995 году был избран действительным членом Российской академии естественных наук (РАЕН) по Отделению евразийских исследований. Помимо того, Хо Ун Пэ писал стихи и прозу: он автор пяти сборников стихов, рассказов и повестей на японском языке.

Скончался корейский писатель в Москве 5 января 1997 г., а в самом конце этого же года Указом президента Республики Корея он был награжден орденом «Прозцветание» за большой вклад в возрождение корейской нации, упрочение российско-корейской дружбы и сотрудничества [3].

Но какая может быть связь между ставропольским и корейским писателями? Как А. Т. Губин мог перевести стихи с японского, не зная языка оригинала?

Н. А. Откидач и П. К. Чекалов, авторы монографии «А. Т. Губин: творческая биография писателя и ее художественное воплощение», обратили внимание на интерес молодого Губина к восточной теме: первые опубликованные им в районной газете в ноябре 1951 г. рассказ «Бичи» и стихотворение «Октябрьская Корея» были посвящены войне, вспыхнувшей в 1950 г. в Корее между северной и южной ее частями. Впоследствии в той же районной газете «За Родину» Предгорного района Губин опубликовал переводы отрывка из поэмы Хо Ун Пэ «Три года» (1954) и его же

стихотворения «Дедушка» (1955), а в альманахе ВГИКа «Творчество молодых» (1957) напечатал сценарий «Жень-шень» о китайском охотнике Киме, который впоследствии превратится в рассказ «Трава-легенда» [2, с. 19-21]. «Дань уважения восточной теме» авторы монографии объясняют тем, что в 1950-51 гг. молодой Губин провел на Дальнем Востоке (Находка, Владивосток), «где корейская тема воспринималась особенно остро и злободневно» [2, с. 19].

Обращает на себя внимание тот факт, что и отрывок из поэмы, и стихотворение были снабжены справкой: «Авторизованный перевод с корейского». «Авторизация» по словарю терминов и понятий – «одобрение автором текста своего произведения, в частности, при переводе на другой язык» [1, с. 18]. Это указывает на то, что автор и переводчик были знакомы и перед публикацией Губин имел возможность показать Хо Ун Пэ переводной текст и получить одобрение на адекватность формы и содержания.

Встает вопрос о том, где и как они могли встретиться и познакомиться? Первое соблазнительное предположение, возникающее в связи с этим вопросом – время пребывания Губина на Дальнем Востоке. Но это не так. Из биографии Губина известно, что с 1953 по 1959 гг. он обучался на сценарно-редакторском отделении постановочного факультета Всесоюзного государственного института кинематографии. То есть на том же отделении, в том же вузе и почти в те же годы, что и Хо Ун Пэ. Вероятнее всего, что они там познакомились и сблизились.

Остается одна неразгаданная загадка. В газетах, где печатались произведения, переведенные А. Т. Губиным, было указано, что перевод сделан с корейского, а в архивном машинописном экземпляре – «перевод с японского». Можно предположить, что политическая ситуация в стране в те годы не позволила переводчику указать язык, с которого на самом деле был произведен перевод.

Список литературы:

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1956.
2. Откидач, Н. А. А. Т. Губин: творческая биография писателя и ее художественное воплощение / Н. А. Откидач, П. К. Чекалов. – Невинномысск: НИЭУП, 2012. – 148 с.

Наследие казачьего Пушкина

*Щербакова Ирина,
гл. редактор газеты «Казачий Терек»*

Казачий кладезь – это последняя книга Витислава Васильевича Ходарева, поэта, которого терские казаки называют «наш казачий Пушкин». Как писатель и собиратель терского фольклора, он тоже оставил свой яркий, добрый след в истории казаков Терека и всей России. Так случилось, что он не успел закончить начатое дело. Сейчас я расскажу вам эту историю. Всего четыре года было подарено мне судьбой, чтобы быть рядом с этим человеком, ставшим мне старшим другом и мудрым наставником. Только теперь, закончив работу, которую мы начинали вместе, я поняла, насколько бесценными были те мгновения, когда Витислав Васильевич приходил в редакцию газеты Терского войска «Казачий Терек». Тогда я была главным редактором этого издания. И тогда мы все слушали его теплый голос, любовались его открытой улыбкой, смотрели в его добрые глаза. Но почему-то всегда получается так, что мы не ценим этих секунд. Куда-то спешим, делаем какие-то «важные» дела, вот и я тогда тоже не знала, что для совместной работы у нас совсем немного времени...

Как состоялось это знакомство? Как случилось, что мы стали друзьями, и я стала спрашивать у него совета? Я очень хорошо помню тот первый день. ...Меня предупредили минут за десять до его появления в редакции: «Сейчас придет Ходарев. Это наш казачий поэт и писатель. Он хочет познакомиться с новым руководителем войсковой газеты». Тогда промелькнула мысль: «Ну, вот – поэт, значит, сейчас начнет читать мне стихи и будет просить напечатать их в газете». А газета-то общественно-политическая, а не литературная. Куда я их поставлю? В общем, я как-то не сильно обрадовалась предстоящему знакомству. Думала, мол, придет скучный дед и будет морочить мне голову.

Но Витислав Васильевич оказался вовсе не нудным стариканом, а интересным пожилым мужчиной. Его голова серебрилась почетной сединой, добрая улыбка вызывала расположение. Он покорила с первых слов, когда предложил открыть в газете Терского войска рубрику под названием «Казачий кладезь», где он мог бы быть ведущим. Рассказал, что собрал по станицам Терека множество казачьих пословиц, поверий, старинных игр и забытых слов. Я, конечно, согласилась и никогда, ни на секунду не пожалела об этом. Мне было так хорошо и легко с ним работать. На моем столе стоял заяц-копилка, которую он подарил мне на Новый год. А в шкафу хранились его произведения, где всегда можно было найти что-то полезное для газеты. Я

расстраивалась, когда он говорил, что никак не может издать свою новую книгу, сильно переживал, и мне было больно за него очень. Потом все менялось, и мы вместе радовались. Он всей своей открытой душой занимался этой рубрикой в войсковой газете. Обычно приходил в редакцию с большими листами бумаги, на которых его рукой было написано все, что приготовил для очередного номера. Сначала обходил сотрудников нашего кабинета, здоровался со всеми за руку, обменивался короткими новостями и потом садился ко мне за стол, достав свои бумаги. Почерк у него вполне разборчивый, поэтому вопросов с моей стороны почти никогда не было.

Витислав Васильевич рассказывал свою идею подачи материала, это занимало буквально несколько минут. Я всегда делала так, как он хочет, даже если не во всем была с ним согласна. Во-первых, из уважения, во-вторых, в этом заключалась моя редакторская позиция – авторам нужно всегда давать возможность творить самим. Потом, просматривая вышедший свежий номер, и сейчас, вспоминая то время, я думаю: «Как хорошо, что я не стала ничего исправлять и делать по-своему на правах редактора, а то получилась бы моя рубрика. А так, она настоящая «ходаревская». Прямо чувствуется его прикосновение». Благодаря его стараниям более трех лет со страниц газеты казаки по крупицам познавали свои истоки. Но однажды Ходарев сказал: «Давай сделаем книгу. Материалы у нас уже все есть, осталось только скомпоновать. И название оставим это же, пусть так и будет – «Казачий кладезь». А ты будешь редактором, согласна?». Я, конечно же, согласилась, хотя подготовка книги для меня было новым направлением, но я была уверена, что вместе с Витиславом Васильевичем справлюсь. Была уверена, что он подскажет и научит, как делаются книги. Он тогда уже не очень хорошо себя чувствовал. Помню, приходил в редакцию и, смущаясь, говорил, что в этот номер не смог сам написать текст, так как болит правая рука. Пальцы не слушаются, не держат ручку. Последние записи под его диктовку делал внук Андрей. Я тогда посоветовала обратиться к атаману, чтобы выделили хотя бы старенький компьютер ему для работы. Ходарев улыбнулся в усы: «Да, на клавиши я, наверное, смог бы нажимать».

Но он был очень скромным человеком и по жизни привык все делать сам, поэтому так и не попросил – постеснялся. Потом он перестал приезжать в редакцию, но мы часто созванивались. Я ездила к нему домой, чтобы вместе работать над очередным выпуском. Однажды он позвонил и сказал: «Знаешь, ты давай уже начинай собирать нашу книгу по главам, может, еще успеем...». Но я успела сделать лишь три раздела – казачьи игры, поверья и словарь забытых слов. Когда он ушел от нас, я еще несколько месяцев не закрывала «ходаревскую» рубрику, ведь мы с ним все-таки смогли заготовить

материалы впрок. Только теперь его фотографию в заставке к рубрике на газетной странице разрезала черная траурная лента...

Сейчас, восстанавливая в памяти встречи с Ходаревым, я вспомнила один случай. Когда его книга «Земной поклон» уже была издана, он пришел в редакцию радостный, а я полюбопытствовала, сколько же составил авторский гонорар. Он улыбнулся и передал мне свой разговор с Издателем.

Оказывается, его вознаграждение было гораздо меньше, чем та сумма, которую заплатили за работу корректора. Витислав Васильевич поинтересовался, сколько же времени затрачено на вычитку материалов? – Три дня, – ответил Издатель. – Вот как? А я писал эту книгу всю жизнь... На мой взгляд, конечно, очень несправедливо, но в откровенном разговоре со мной Ходарев не слишком сожалел об этом, он тогда меня убедил: «Пусть будет хоть так, а то я, может быть, уже никогда бы ее и не издал». Он вообще никогда никого не осуждал, и я не помню, чтобы он про кого-то сказал худое слово с ненавистью или раздражением. Его неодобрение можно было заметить лишь в легкой грусти голоса. А «Земной поклон» он подписывал для меня уже дома, с трудом удерживая ручку в непослушных пальцах. Вот так, уходя навсегда, он позаботился обо всех нас, оставив нам свои бессмертные произведения: стихи, поэмы, песни, замечательную прозу и, конечно же, собранные им пословицы, сказки, легенды.

И ангелов я слышал над собою, Я знаю, Боже, Ты их присылал... Так писал Ходарев в одном из своих произведений в то время, когда еще был с нами. В скорбные дни прощания с великим поэтом архиепископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт сказал: «Мы верим и знаем, что у Бога все живы. Мы молимся об упокоении светлой души почившего в вечных селениях праведных, где нет болезни, печали и воздыхания, но жизнь бесконечная. Дай Бог, чтобы и в молитве нашей, и в делах мы хранили память о Витиславе Ходареве, настоящем казаке».

В последний путь мы проводили его по казачьим традициям. Опустив голову к земле, накрытый черной буркой, идет вороной конь. Он, как верный друг, понимает происходящее. За ним движется процессия казаков в черкесках и папахах. Они несут крест, награды, именное холодное оружие. Преклонились знамена с черными лентами перед этим замечательным человеком, склонили головы люди, прохожие останавливались в почтении, понимая, что сегодня город прощается с великим человеком.

В этот день вспоминали, как Витислав Васильевич Ходарев возглавил в 1990 году организационный комитет по возрождению казачества на Ставрополье. В своих выступлениях он говорил: «...Мы успешно реализовали свои возможности, создав общественное мнение среди населения о

необходимости возрождения казачества посредством многочисленных выступлений писателей края, журналистских публикаций, выступлений казаков по радио, телевидению, в трудовых коллективах. ...С тех первых шагов мы пробуждали веру и надежду в душах казаков, обращались к истокам казачьей своеобразной жизни прошлого, руководствуясь лучшими традициями казаков прошлого, их нравами, обычаями и культурой. ...Нам помогала убежденность в правоте, своевременность начинания, опора на активистов движения и память о прошлом казачества. Это давало нам веру и настойчивость в решении многих проблем.

Есть хорошая казачья пословица: «Кто первым дело начал – тот сделал половину». А мы ведь были первыми! Наши начала, наши дела не забываются». Траурная колонна прошла медленным шагом по центральному проспекту Ставрополя, остановившись на минутку у бюста генерала Ермолова, у памятника Пушкину и напротив Союза писателей. Казаки, по очереди меняясь, несли Витислава Васильевича на руках до самой вершины Крепостной горы, туда, где на остатках старинной городской стены увековечены его слова: «Память о казачестве бессмертна, подвиги казачества в сердцах». Мы хотели, чтобы «наш Пушкин» посмотрел на свой любимый город, который очень любил и которому посвятил немало стихов. Город, который когда-то был казачьей станицей у подножия Крепостной горы.

О таком человеке, как Ходарев, невозможно сказать, что его уже нет. Для казаков Терского войска он будет всегда. И я счастлива, что мне довелось знать его лично, много работать с ним, мечтать о совместном издании его книги «Казачий кладезь». Перечитывая заметки, которые он писал для газеты в свою рубрику, я будто слышу: «Как ты думаешь, это будет интересно?».

Он снова переживает и волнуется. И снова читает свои стихи, посвященные казачеству, любимой станице Лысогорушке, своей жене Антонине и тому радостному дню, когда она подарила ему дочь. «Ничего, мы еще поживем», – это были его последние слова, адресованные мне в телефонном разговоре. И я была уверена, что он, как всегда, выполнит и это свое обещание... Через какое-то время я решила продолжить редактирование книги «Казачий кладезь». Ведь она, собственно, уже была написана автором, и теперь уже только мне осталось выполнить то, что должна.

Вместе с Натальей Гребеньковой, редактором газеты «Казачье Ставрополье», мы решили дополнить ее содержание подробными биографическими данными автора. Дело в том, что Витислав Васильевич собирался описать свою удивительную жизнь и в качестве биографа выбрал Наталью. Мы решили ничего не менять – пусть будет так, как он хотел. В этом разделе большую помощь оказала его супруга Антонина Александровна,

которая шла по жизни с ним рядом более чем полвека. Об этом расскажет и последнее интервью с Витиславом Васильевичем Ходаревым, которое я сделала в честь большого праздника любви и верности – Дня Петра и Февронии. О человеческих качествах Ходарева говорят его поступки.

Помню, как казаки всем миром собирали деньги на лечение пятилетнего казачонка Ростислава Кубарева из Зеленокумска. Витислав Васильевич и сам тогда уже тяжело болел. Но когда я позвонила ему, чтобы напомнить о получении гонораров, он сказал: «Ира, не надо, отправь их этому мальчику».

Я выполнила просьбу. Он всегда готов был прийти на помощь, проявить сочувствие и заботу. Я надеюсь, что книга «Казачий кладезь», которую мы готовили с любовью и нежностью в память о нашем славном друге, понравится читателям и станет одной из любимых для всех терских казаков. Желаю, чтобы каждое «ходаревское» слово засверкало яркой звездой и, чтобы светили эти звезды на жизненном пути всех последующих поколений. А обещание свое он все-таки выполнил. В его произведениях всегда слышится: «Ничего, мы еще поживем...».

Разговорчивый поэт

*Блохин Николай,
журналист, литературовед*

Имя Леонида Епанешникова вспыхнуло на литературном небосклоне в конце пятидесятых годов. Поэт явился юным читателям Ставрополя, как говорили о нём его современники, неожиданно и ярко. В 1959 году в Карачаево-Черкесском книжном издательстве вышла его первая шестнадцатистраничная книжка стихотворений для детей «Брат и сестра» с чёрно-белыми рисунками известного на Северном Кавказе художника-иллюстратора Владимира Бекетова. Ни один номер литературно-художественного альманаха «Ставрополье» пятидесятых годов не обходился без его иллюстраций. В 1960 году для Ставропольского книжного издательства Леонид Епанешников подготовил вторую книгу для ребят. Называлась она просто и ёмко «Друзья». В книжке были напечатаны стихотворения о детской дружбе, взаимопомощи, трудолюбии, любви к животным и о том, как весело ребята проводят время.

Книжка продавалась в киосках и магазинах Кисловодска, где в ту пору отдыхал известный писатель Абхазии Георгий Гулиа, лауреат Сталинской

премии 1948 года за роман «Весна в Сакене». Он-то и увидел книжку Епанешникова. Писателю она очень понравилась, и он решил познакомиться с автором.

Встреча двух писателей произошла там же, в Кисловодске, как вспоминал Георгий Гулиа, «на виду у Эльбруса: двухвершинный гигант почти всегда сверкает здесь на фоне голубого неба». Гулиа встретил высокого, улыбчивого человека. Наверное, таким и должен быть детский писатель, потому что «писать о детях или для детей, надо любить их особенной любовью, как равных тебе».

Беседуя с Леонидом Епанешниковым, Георгий Гулиа понял одну простую вещь, что работает поэт профессионально, ведь «услышанное или увиденное в детстве – на всю жизнь! Это как надпись, высеченная на скале». Епанешников отлично понимал, как высока ответственность детского писателя за первые книжки, с которых начинается путешествие ребят в великую страну чтения. Поэт считал, что книги определяют круг интересов детворы, приобщают их к тайнам науки и техники, ведут в мир прекрасного, обогащают новыми знаниями, помогают найти своё место в жизни. Да и адресованы книжки Леонида Епанешникова самым маленьким читателям, которые, возможно, ещё и азбуки-то не одолели, но слушают, как им читают их мамы.

Позднее в предисловии к книжке Леонида Епанешникова «Живой значок» Георгий Гулиа написал: «Тот, кто бывал в горах, несомненно, встречал в глухих местах родники необыкновенной чистоты. К ним полностью можно отнести определение «кристально-чистые». С такими родниками можно сравнить детскую душу. Чтобы не замутить её, требуется и большой такт, и хорошее знание юной души, не говоря уже о литературном таланте. Всеми этими качествами обладает Леонид Епанешников. Говоря попросту, сердце у него доброе, и стихи его добрые...». А тогда, в Кисловодске, Георгий Гулиа узнал, что до выхода книжек «Брат и сестра», «Друзья» стихотворения Леонида Епанешникова печатались в газетах «Красная Черкессия» и «Кавказская здравница».

Леонид родился в Баталпашинске (так в те годы назывался город Черкесск) 11 апреля 1923 года. Ходил в десятую среднюю школу. Из школьных предметов любимыми были уроки по литературе, русскому языку, иностранному и рисованию. Стихи начал писать рано.

Первые стихотворения юный Леонид напечатал ещё до войны, в газете «Красная Черкессия». Газета издавалась в Черкесске. В номере этой газеты за 11 февраля 1937 года читатели могли прочитать стихотворение «Всё это будет вечно жить». Посвящалось оно 100-летней годовщине со дня гибели великого

русского поэта А. С. Пушкина. Автору стихотворения семикласснику Леониду Епанешникову было в ту пору неполных четырнадцать лет.

Осенью тридцать седьмого «Красная Черкессия» напечатала ещё одно стихотворение Леонида «Лучше нашей жизни нет», в котором были такие строки: «Песни петь весёлые мы стали о великой родине побед...». Стихотворение юного автора «Песня о Сталине» опубликовано в той же газете «Красная Черкессия» 4 августа 1938 года. Напечатано на первой полосе.

В следующем году Леонид Епанешников стал победителем литературного конкурса на лучшее стихотворение, который проводился среди пионеров и школьников Северного Кавказа.

Немногие помнят о том, что ещё до войны Леонид Епанешников впервые попробовал себя в роли литературного переводчика. Как вспоминал главный редактор газеты «Красная Черкессия» Андрей Попутько, именно Леониду Епанешникову принадлежат первые переводы стихотворений национальных поэтов Хусина Гашокова – с черкесского и Фазиля Абдулжалилова – с ногайского.

В сороковом семнадцатилетний поэт подготовил к печати первый сборник стихотворений и в том же году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького. К сожалению, ничего неизвестно о судьбе этой рукописи.

В апреле сорок первого Леониду Епанешникову исполнилось восемнадцать лет. Он успешно сдал летнюю сессию, собирался поехать на летние каникулы домой, к родителям. Известие о начале войны застало его в Москве. Об обстановке в Литературном институте в первый день войны свидетельствует военный дневник Александра Яшина, студента вечернего отделения с 1936 по 1941 годы (аттестат об окончании он получил в мае 1942 г.):

«1941 год. 22 июня. Москва. День нападения Германии на Советский Союз. Занятия не получились. Я позвонил в ССП. Там митинг с трёх часов. Хорошо выступали Уткин и Вишневский, В. Брендель (на немецком языке)... Вишневский начал: русские уже дважды были в Берлине, немцы никогда не были в Москве и не будут. Потом я с группой поэтов был у Храпченко – нужны песни. Далее в Союзе композиторов прослушивали музыку песен, к которым нужно дать новые, свежие тексты. В Москве спокойно, только очереди в магазинах сразу. Очереди в сберкассы. Обидно смотреть.

Надо подготовиться ко всему. Я всё ещё нахожусь под обаянием «Войны и мира» Толстого... Решил быть на войне, всё видеть, во всём

участвовать. Сейчас будет делаться новая история мира, и тут бояться за свою жизнь стыдно...».

Учиться дальше в Литературном институте Леониду Епанешникову не пришлось. Весь его курс ушёл на фронт, а Леонида не взяли из-за большой близорукости. Намеченный сборник стихотворений тоже не вышел.

После войны Епанешников окончил учительский, затем Ставропольский педагогический институт.

В пятидесятые годы поэт активно сотрудничал с редакциями газет «Ленинское знамя» и «Ставропольская правда». В «Кавказской здравнице» поэт вёл страничку «Советы начинающим литераторам».

В эти годы он много переводил с абазинского, ногайского, черкесского. Переводил, как поэтические, так и прозаические произведения. Газеты охотно печатали его переводы стихотворений Хусина Гашокова, Пасарби Цекова, Кали Джегутанова, рассказы Сайдина Хатуова. Владимир Максимов и Леонид Епанешников перевели на русский язык поэму черкесского поэта Хусина Гашокова «Горянка». Дважды переиздавалась в переводе Леонида Епанешникова повесть черкесского прозаика Сайдина Хатуова «На рассвете». Сборники стихотворений абазинского поэта Кали Джегутанова «Утро» и абазинского поэта и прозаика Пасарби Цекова «Мой товарищ» получили признание у российских читателей благодаря переводам Леонида Епанешникова на русский язык.

В 1954 году Карачаево-Черкесское книжное издательство выпустило сборник произведений прозаиков и поэтов Черкесии «Молодость», составителем которого выступил Леонид Епанешников. Авторы произведений: Х. Гашоков, Аб. Охтов, К. Джегутанов, В. Максимов, Ф. Абдулжалилов, Ан. Охтов, А. Ханфенов, В. Михайлов, С. Капаев, А. Лютинский, М. Ахметов, С. Эбзеева, С. Джумаев, А. Ласурия, В. Анкваб, Г. Гублия, С. Хатуов, И. Аتماкин, С. Шаов, С. Кунов. Несколько стихотворений поэтов Карачаево-Черкесии, переведённые Леонидом Епанешниковым, включены в хрестоматийный сборник «Край наш родной», изданный в 1959 году «Детгизом» для восьмилетней и средней школы.

Летом 1957 года в стране широко отметили 400-летие добровольного присоединения Кабарды, Черкесии и Адыгеи к России во времена Московского царя Ивана IV (Грозного): «...чтобы их государь пожаловал, вступился за них, а их с землями взял к себе в холопы» (1552 г.) Или: «А они (черкесы) – холопы царя с жёнами и детьми вовеки» (1555 г.). И наконец, резюме летописца: «И царь принял их под свою высокую руку». По этому историческому поводу в Москве в Колонном зале Дома союзов прошла объединённая декада литературы и искусства Карачаево-Черкесии и Адыгеи.

Открывалась она стихотворением абазинского поэта Пасарби Цекова «Как многие реки в одну...» в переводе Леонида Епанешникова. Когда народная артистка Советского Союза Елена Гоголева прочитала заключительные строки стихотворения «Мечты о свободе и силе вздымали людскую волну. Народы вливались в Россию, как многие реки в одну», в зале стоял гром аплодисментов. «Автора! Автора!» – раздавалось в зале. Растроганный Пасарби Цеков вышел на сцену Колонного зала Дома Союзов, приложил руку к груди и поклонился зрителям.

Рядом с поэтом по праву мог стоять и переводчик Леонид Епанешников. Труды поэта-переводчика были отмечены Почётной грамотой Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры. Стихотворение Пасарби Цекова «Как многие реки в одну...» печаталось в сборнике «Песня, ставшая книгой. Рождённая Октябрём поэзия», выдержавшим три издания; в 200-томной «Библиотеке Всемирной литературы» (двухтомник «Советская поэзия»).

Стихотворения поэтов Карачаево-Черкесии в переводах Леонида Епанешникова печатались в «Литературной газете», «Литературной России», в журналах «Нева», «Дон», «Крестьянка», в журналах для детей «Мурзилка» и «Весёлые картинки».

Леонид Фёдорович Епанешников писал басни, сказки (в т. ч. для взрослых), фельетоны. Есть его стихи о космонавтах, труде актёра, о родной партии, к 50-летию Октября и о Великой Отечественной войне.

В 1964 году в издательстве «Советский писатель» вышла книга «В краю степей и гор» с переводами стихотворений поэтов Карачаево-Черкесии, сделанных в том числе и Леонидом Епанешниковым. В книгу вошли переводы стихотворений Пасарби Цекова «Сверстникам» и «Утро в горах».

После окончания Ставропольского педагогического института Леонид Епанешников работал в редакции газеты «Красная Черкессия», затем в газетах «Советская Черкессия», «Ленинское знамя». Он заведовал отделом промышленности, а душа его тянулась к совершенно другим темам. Леонид писал рецензии на спектакли, поставленные Черкесским театром драмы, отчёты об областном смотре сельской художественной самодеятельности, о выпускных экзаменах в средних школах, о начале нового учебного года...

В 1959 году Леонид Епанешников переехал в Кисловодск, работал в редакции газеты «Кавказская здравница» со дня её основания. Начинал корреспондентом, работал заведующим отделом, ответственным секретарём. В «Кавказской здравнице» поэт вёл страничку «Советы начинающим литераторам», руководил литературным объединением при газете. Занятия в

литобъединении оставили в душе многих начинавших поэтов добрый след и приятные воспоминания.

Уйдя из журналистики, Леонид Епанешников почти двадцать лет – с 1966 по 1985 годы отработал в редакционно-издательском совете Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков. И всё же главным делом его жизни стала поэзия для детей.

С лёгкой руки Георгия Гулиа о талантливом детском поэте Ставрополя узнали в московском издательстве «Детская литература» («Детгиз»). Книжку «Друзья» писатель показал главному редактору издательства.

Шестнадцатистраничная книжка «Автобус» Леонида Епанешникова с замечательными рисунками художника-иллюстратора Геннадия Алимова, напечатанная в 1964 году издательством «Детгиз» тиражом сто тысяч экземпляров, принесла поэту Всесоюзную известность. Книга поступила во все библиотеки Советского Союза. А имя её автора стали произносить наравне с именами других детских поэтов, таких, как Агния Барто, Валентин Берестов, Борис Заходер, Сергей Михалков, Корней Чуковский, Самуил Маршак...

От такового внимания критиков Леониду Епанешникову было немного неловко и он отправил почтой Самуилу Маршаку свою последнюю книжку «Автобус». Писатель в ту пору был уже тяжело болен, но передал автору «сердечный привет и благодарность за книгу».

Об этой книге критик Дмитрий Молдавский писал, что стихи в ней «отличаются точностью звучания, хорошим языком». Для поэта это была большая поддержка, потому что свою первую книгу «Брат и сестра» он считал ученической вещью, отмечал в ней «беспомощные, корявые строчки». И был рад, что тираж у его первой книги был небольшой: всего лишь три тысячи экземпляров.

Поэт Александр Мосиенко из Пятигорска вспоминал, что однажды Леонид Епанешников сказал ему: «Стихи должны быть мнемоничными», т. е. легко запоминающимися. Тогда это показалось мне «назидательным теоретизированием». Сейчас я поражаюсь: как прав был поэт!» Именно этой особенностью отличаются стихотворения поэта «Веснушки на опушке», «Дедушкина бурка»: «Я видел его чёрканные-перечёрканные рукописи. Он доделывал свои стихи даже тогда, когда они уже были в типографии; и каждый раз находил лучший вариант». С поэтом Леонидом Епанешниковым любили работать многие известные российские редакторы и художники Владимир Кудинов, Владимир Бекетов, Татьяна Говоркова, Татьяна Литвинова, Лидия Виноградова. Среди них и Геннадий Алимов, который говорил о себе: «Я всю жизнь проработал художником-оформителем. Что

такое художник-оформитель? Это мастер, который оформляет книгу – обложку, титульный лист и т. д. Я не иллюстратор, я оформитель книг. Работал в «Детгизе». Во времена застоя зарабатывал нормально. Как говорят, в долг давал, а сам не брал». Исключение он сделал для книжки Леонида Епанешникова, полностью проиллюстрировал её: от первой до последней страницы, сделал красочную обложку. Очень гордился этой работой: ему она тоже принесла Всесоюзную известность.

Леонид Епанешников, несмотря на большое творческое наследие, которое он оставил российским читателям, своё главное признание заслужил в детской поэзии. Из-под его пера вышли в свет и напечатаны в Ставрополе и Москве книги «Друзья» (1960), «Автобус» (1964), «Здравствуй, новый дом!» (1965), «Весёлые игрушки» (1967), «Солнышко в хлебе» (1972), «Веснушки на опушке» (1974), «Несговорчивый ручей» (1980), «Дедушкина бурка» (1981), «Живой значок» (1983). В 1982 году Леонид Епанешников оказался победителем конкурса на лучшее стихотворение для дошкольников. Конкурс проводился по инициативе правления Союза писателей РСФСР. В жюри, которое возглавлял Сергей Михалков, входили известные детские поэты страны. И в том же 1982-м Леонида Епанешникова приняли в Союз писателей СССР.

Литературный критик Елена Стефанеева писала: «На долю писателя, посвятившего своё творчество самым маленьким гражданам нашей страны, выпадает задача – быть первым в ряду тех, кто через книгу становится воспитателем советского человека, прививая ему черты коммунистической нравственности. Стихи Л. Епанешникова отвечают этому высокому назначению поэзии. Они учат трудолюбию и чувству коллективизма, правдивости и смелости, физической выносливости и доброте, вызывают желание подражать хорошему и отметить дурное, помогают открывать удивительное в повседневности, в том, что рядом... Большинство стихотворений Леонида Епанешникова – это образные сюжетные зарисовки. И герои их подсмотрены автором в жизни, мы встречаемся с ними в своих семьях, в школах, на улице, на каждом шагу».

О детской поэзии Леонида Епанешникова писали, что она «удивительно светла, точно вся насквозь пронизана солнцем». Мир его поэзии – это мир увлекательных находок для детей, мир искренней сердечной доброты к природе: к жучкам и паучкам, бабочкам и шмелям, ромашкам и осинкам, ручьям и дождикам, ветру и песенке пастуха...

Стихотворения Леонида Епанешникова нравились мальчикам и девочкам не только в России, но и ребятам в Украине, Белоруссии, Польше...

А некоторые из них стали песнями. Композиторы Москвы, Санкт-Петербурга, Киева написали к ним музыку.

В 1983 году редактор Ставропольского книжного издательства Владимир Кудинов вместе с художником Татьяной Литвиновой подготовили и издали книгу Леонида Епанешникова «Живой значок». Тираж у книги с позиции нашего времени был сказочный – пятьдесят тысяч экземпляров.

О Леониде Епанешникове, отличавшимся весёлым характером, с юмором вспоминал спортивный обозреватель «Ставропольской правды» Валерий Попов: «Известный ставропольский детский поэт Леонид Епанешников, после того как перебрался из краевого центра работать в «Кавказскую здравницу», не появлялся в Ставрополе несколько лет. За это время он достаточно погрузнел, обзавелся животиком. Трудно сказать, по каким делам он приехал в командировку в Ставрополь. Ну как же было не зайти к друзьям по журналистскому цеху в «Ставрополку». Уже в коридоре первым ему встретился Михаил Абрамович Гельфанд. «Можно вас на пару слов?» – обратился гость к своему давнишнему знакомому, который явно не узнал «посетителя». Поправляя сползавшие на нос очки, Михаил Абрамович был весь внимание. «У вас случайно в газете вакансий не найдётся?» – спросил Епанешников. «Ну, я-то эти вопросы не решаю. Есть отдел кадров, есть, в конце концов, главный редактор», – так и не узнавая собеседника, вступил в диалог Гельфанд. «Вот-вот, то, что мне надо, – оживился «посетитель». – Я бы главным редактором пошёл». Надо было видеть лицо Михаила Абрамовича! «Вы соображаете, что говорите? Главного редактора бюро крайкома партии назначает!» Епанешников, едва сохраняя невозмутимый вид, продолжил: «Ну, нет, так нет. Если что, я могу у вас и шахматный кружок вести...» Больше Леонид не мог сдерживать смех, а оторопевший Гельфанд вдруг прозрел: «Ты что ли, Лёнька?». Перебирая в памяти события давних лет, я вспомнил, что в апреле 1973 года Леонид Епанешников приходил к нам, молодым журналистам, на семинар, организованный редакцией газеты «Молодой ленинец» и её главным редактором Николаем Марьевским. Из того разговора запомнилась одна деталь. «Если в течение дня мне удастся сочинить хотя бы одну строчку стихотворения для ребят, значит, день прожит не зря», – сказал поэт. Прошли годы, и только сейчас понимаю, что мимо меня прошёл гений детской литературы.

По инициативе Литературного центра Ставрополья о стихах Леонида Епанешникова заговорили в мае 2020 года, когда Россия, Ставрополье оказались в самоизоляции, на карантине. Литературный центр обратился к юным читателям с предложением прочитать вместе стихи одного из лучших

детских поэтов XX столетия Леонида Епанешникова. И зазвучали с мониторов компьютеров стихи поэта нашего детства:

Зелёный Автобус
Бежит по дороге,
Как будто мальчишка
Пылит босоногий...

Книги Леонида Епанешникова сегодня редкость. Их, к сожалению, не переиздают. В библиотеках сохранились единичные экземпляры его книг от некогда больших тиражей. При подготовке сборника «В краю весёлых радуг» в 2018 году его составители Николай Ананьченко, Екатерина Полумискова, Елена Иванова и Любовь Шубная включили в него всего лишь три стихотворения Леонида Епанешникова «Ветер», «Танина зорька» и «Необразованный кот».

А так хочется, чтобы первыми книжками детей XXI столетия были «Мойдодыр» и «Доктор Айболит» Корнея Чуковского, «Дом, который построил Джек» и «Где тут Петя, где Серёжа?» Самуила Маршака, «Встречали звери Новый год» и «Буква Я» Бориса Заходера, «Девочка чумазая» и «Спать пора! Уснул бычок...» Агнии Барто, «Автобус» и «Живой значок» Леонида Епанешникова.

Повседневный мир достойных людей в книгах Владимира Константиновича Малярова

*Черная Татьяна Карповна,
доктор филологических наук, 2006*

Владимир Константинович Маляров принадлежит к тем писателям, которые не придумывают, не «сочиняют» свои книги. Он чувствует и понимает жизнь вокруг себя, это его материал, это для него одна большая открытая книга. Если спросить, кто является героем произведений Малярова, то первое, что напрашивается в ответ – простой человек-труженик.

Действительно, это рыбаки, трактористы, шоферы, лесосплавщики, хлеборобы – люди разных профессий, которыми не принято гордиться, потому что они «обыкновенные». Такой авторский адрес, очевидно, не только демократичен, но и благороден. Начало традиции изображения «маленького человека» в русской литературе коренится еще в творчестве Пушкина и

Гоголя, а в наше время стабильно утвердилось в блестящих образцах рассказов и повестей В. Шукшина.

Однако, чтобы «маленький человек» стал героем литературного произведения, т. е. героем искусства, необходимо разглядеть в нем «большое» содержание, дающее возможность открыть новое, дополнительное знание о человеке вообще, о его отношении к жизни, к другим людям, к самому себе. За что можно любить человека или презирать его? Бывает ли человек счастлив именно в труде? Где искать моральные нормы? Насколько следует осознавать собственную меру ответственности за свою и чужую жизнь? Где корни человеческой личности, в чем содержится истинная культура человека? И еще много вопросов и проблем существует в том пестром повседневном мире, в котором живут герои писателя. Но и серьезность проблематики еще не дает права на читательское одобрение, как не дает пропускного билета в искусство. Речь идет о качестве писательского творчества, а его можно определить прежде всего по умению владеть словом.

Манера повествования Малярова ненавязчива и проста. Она вполне соответствует тематике его повестей и рассказов, органична для той жизненной сферы, в которой обитают его герои. Все как-то очень вовремя:

событие, диалог, описание, сюжетный ритм, паузы. В. Маляров владеет этими инструментами художественной композиции, как хороший музыкант нотной системой. От этого чтение его произведений происходит без напряжения, вовлекает в себя естественно. И внезапно останавливаешься не потому, что стало неинтересно или трудно, а просто потому, что наступил конец рассказа.

Авторская речь по-хорошему литературна, порой очень четко ощущается классическая традиция слова, близкого тургеневскому. Таково, например, начало одной из лучших повестей Малярова «Путина». Первые пейзажи легко и точно вводят в атмосферу жизни рыбацкого поселка.

«Иногда далеко по округе разносился напряженный бас теплохода. И тогда поднималась откуда-то белая цапля; вытянув длинные ноги, летела прочь, медленно взмахивая мягкими крыльями. А из прибрежных камышей поднимался косячок серых уток и, с легким свистом рассекая крыльями воздух, уносился над самой водой неизвестно куда». Этот простор, природная тишина, наполненная мирным движением, становятся содержательным фоном для сюжета о людях с крупными характерами. Сила этих людей – не в их самоутверждении, не в философских поисках смысла своего существования. Они не просто и прочно стоят на земле, без особенных размышлений, но убежденно определяют для себя жизненные позиции. Хорошо – это победить свое несчастье, не потеряв при этом любви к жизни,

защитить слабого, здоровым смехом и презрением поставить на место кого-нибудь зарвавшегося односельчанина, полностью выложиться на работе, любить детей, понимать чужие проблемы. Однако в экстремальной ситуации они способны на экстремальные поступки. Собственно, никакой особенной «истории» у героев повести нет.

Описан один путинный сезон, внутри которого, по заведенному распорядку, сменяют друг друга эпизоды быта и труда, окрашенные проявлением человеческих характеров, живыми диалогами и переживаниями. Но за этим внешним сюжетом существует другой и главный. Он проявляется лишь временами, перебивая и перекрывая будничные диалоги, хотя единство художественного повествования держится именно на нем. Этот внутренний сюжет формируется, главным образом, вокруг одного персонажа – красивой и сильной рыбачки Маневы. В ее жизни, казалось бы, все складывается, как у многих русских женщин. «Подруги уезжали в город: кто учиться, кто работать, кто просто пожить городской жизнью. Звали они с собой и Маневу.

Но в город Манева не уехала – пожалела больную мать и старую, сиротливо приткнувшуюся у берега лодку». И стала она работать в рыбацкой бригаде, перенося тяготы мужского труда не только без жалоб, но даже с каким-то веселым вдохновением. Манева очень напоминает тот тип русской женщины, «величавой славянки», который был воспет Некрасовым. Она – одна из тех, кто и «коня на скаку остановит», и «в горящую избу войдет». Но Маляров не допускает прямых ассоциаций, его героиня порождена не литературной традицией, а теми неумиряющими обстоятельствами трудовой сельской русской жизни, которые требуют именно такого характера. И недаром жизнь ее протекает на берегах Волги. Совсем, как Катерина в «Грозе» А. Островского, Манева с детства черпает в этой могучей русской реке свою душевную силу. Не выдерживая школьного порядка, она «любила во время занятий убежать на реку, прыгнуть в старенькую, повидавшую виды лодчонку и грести, грести подальше от села до тех пор, пока не заболят плечи. На Волге ее привлекало все: тревожный рев пароходного гудка, громкие голоса усталых рыбаков на тонях, а больше всего – неоглядная ширь родной реки».

В повести Малярова нет излишних претензий на занимательность, экзотичность, нет спекулятивного желания привлечь читателя чем-нибудь особенным и неповторимым. Это просто хорошее писательское слово о людях, которых автор любит, которым сочувствует, в души которых способен переселяться. Его герои – «не посторонние» ему. Первый сборник писателя так и называется «Не посторонние мне люди».

Конечно, В. К. Маляров – талантливый писатель. Но его талант питается постоянным ненасытным интересом к жизни, что, в свою очередь, тоже признак таланта. В автобиографии он пишет: «Рос в колхозной семье и к труду взрослых был приучен с малолетства... Меня отец на все лето определял к отаре овец, табуны лошадей или на колхозный полевой стан. Как показало время, прикосновение с детства к нелегкому труду помогало преодолевать в жизни не только физические трудности, но и душевные боли.

Уверен, что в жизни каждого человека рано или поздно встретится и то, и другое». А потом мореходная школа в Астрахани, служба на военном флоте, работа на рыбацком «морозильнике». Затем поистине мужская мечта о Севере, куда его, по собственным словам, «влекло посмотреть на суровую природу, а главное, познакомиться с простыми и сильными людьми, чей труд связан с почти ежедневным преодолением собственных слабостей».

Осуществляя эту мечту, Владимир Константинович в полной мере испытал судьбу человека крепких физических профессий: лесоразработчика, лесосплавщика, поработал на лесоразделочных площадках, почувствовал нрав северного климата в Архангельской области, понял цену человеческой взаимоподдержки на реке Пинеге. Именно это время открыло для него глубокую истину человеческой души, измеряемой приобщенностью к вечным ценностям доброты, благородства, прощения и любви, без надрыва и рефлексии, а просто в повседневной жизни.

В самом деле, как отнестись к истории двух людей, в жизни которых произошло одинаковое событие, измена жены? Измена случайная, до конца не осознанная, нелепая, приведшая к отчаянному раскаянию. Один еще молодой, у него один сынок. Не может он простить жене этого глупого случая, возненавидел ее, жизнь рухнула. Другой – старый лесник, восемь детей в семье, да вот один из них не в породу, рыжий. Видя, как мучается Леша, дед Филат с усмешкой рассказывает ему, что этот «рыжий» от другого мужика. Жена Оксана возражает ему: «Да будет тебе брехать-то...Постыдился бы гостя». «По тому, как лениво и без смущения возразила хозяйка, Леша понял, что так оно и было: «Огулял старый жеребец». А Филат с одинаковой ласковостью в руках поглаживал по голове «шельмеца» Ваську, осторожно раскачивал на ноге «тихоню» Полю, заботливо одернул рубашонку и подтянул штанишки Кольке – «чисто золото». – А дети – они и есть дети, – продолжал лесник, ссаживая с лавки на пол русоголовую щекастенскую, самую маленькую девочку Полю. – Все они – наши, без них мы – тьфу! В заботе о детях и о себе меньше думаешь, меньше пакостишь душою...»

Вот эта забота о детях, о других людях, понимание чужого переживания, чужой беды и чужой радости, – и есть та мудрость, которая

делает человека человеком. Меньше о себе, больше о других, – и будет душа чиста. Таковы простые люди, о которых любит писать Маляров.

Еще об одном сюжете нельзя не сказать, характеризуя творческий мир этого писателя. Рассказ называется «Двое», всего несколько страниц. Герои обыкновенные лесорубы, ничем не отличающиеся от остальных. Только вот любит Василий свою красивую жену, хотя у нее и руки, «как грабли». Живут они ладно, хотя и без объяснений в своих чувствах. Наоборот, отношения их держатся на грубоватом юморе, характерном для тех, кто видит достоинство человека не в том, чтобы «говорить красиво», а в том, чтобы жить «не хуже людей», при этом молча радуясь присутствием друг друга. Дом, детишки, работа – на том и мир стоит. В такой жизни радость всегда искренняя, а из каждой радостной минуты складывается то, что называется счастьем.

В системе образов рассказа большую роль играет река. С древних времен река означает или жизнь, или границу миров. Здесь река именно в таком значении является знаковым сюжетным фоном. Весенний лед уже поднимается, делает полыньи, становится опасным. И когда герои должны перебраться на другой берег, они оказываются на грани жизни и смерти.

Радость (приезд брата) окрыляет героя, и он не допускает мысли о том, что с ним что-то может произойти. Но в таких-то случаях и подстерегает беда.

Маляров создает глубокий психологический рисунок, но не с помощью открытого психологизма, а путем четкого и точного, мотивированного описания поведения героев. Внезапно открывшаяся полынья готова поглотить человека. Его жена в отчаянии, громкий и горький крик рвется из ее груди. Но она чутким женским сердцем находит слова, простые и единственно эффективные, потому что они переключают чувства и мысли погибающего со своей беды на судьбу других, прежде всего детей: «Снова показалась голова мужа – исхудалая, по-покойнически угловатая. Не могу больше, Шу-ра-а! – Держись, или я кинусь туда же! Пропадай Гришатка с Мишуткой! – иступленно завопила Шура и шагнула к полынье». Это было спасением. И женщине не надо было размышлять и обдумывать свое решение, потому что самое главное в жизни она знает душой.

К сожалению, наша повседневность не позволяет талантливому писателю реализовать себя в полную меру. У Малярова не очень много произведений. Это сборники повестей и рассказов «Не посторонние мне люди», «Перекрестки» (издан в Москве), «Хлопоты», «Время выбора», несколько повестей и рассказов, опубликованных в альманахе «Ставрополье», в «Литературной России», в «Ставропольской правде». Он участник проекта «Писатели Ставрополя – школе» – сборник «Мне юность машет издадека».

Есть большой роман «Пожелай им блага, Господи», написанный в 1996 году, который достоин особого серьезного рассмотрения.

Но даже заголовок говорит о том, что основная жизненная позиция этого человека – внимание к «другим», таким разным и таким достойным людям, имеющим свое жизненное пространство, свои корни в нашей жизни, носителям тех коренных идей, которые рождены в трудной нашей истории, в трудовой среде, в отработанных веками традициях.

Последняя опубликованная повесть (журнал «Южная звезда») «Бег Джейрана» посвящена современной теме борьбы с браконьерской рыбной мафией. Как и в прежних произведениях, здесь точно и глубоко вырисованы личности со своими судьбами. Причем, одинаково яркими мы видим и «злодейных» персонажей, и людей честных, выполняющих свой профессиональный долг. И, как в других произведениях, чувство правды у героев повести живет естественно и просто, без красивых фраз, но прочно, хотя, конечно, время берет свое, и чувствуется какая-то почти безнадежная усталость от того, что честный труд оказывается не в цене, что трудности и несчастья подстерегают именно хороших людей, что поддержка благим намерениям исчезает не только со стороны властей, но и в повседневном людском мнении. В. Маляров современен не только событийными перипетиями, но прежде всего человечностью и искренностью.

Незавершенность сюжета в этой повести символична, как нерешенность социальных проблем сегодняшнего дня.

В. К. Маляров интересен и как личность, как человек, много повидавший и переживший, внимательный к людям, способный их понимать, и как писатель со своим стилем, со своей темой, со своими героями. И хотя написано им немного, но это добротная литература, за которую писатель достоин уважения. А шестьдесят лет – возраст, полный силы, и, значит, можно ожидать новых произведений.

Семантика времен года в лирике Елены Гончаровой

*Бронская Людмила Игоревна,
профессор СКФУ, доктор филологических наук*

Август распахнут смеющейся форточкой
В утро звенящего дня.
Ходики шествуют дробной походочкой,
Знать не хотят про меня.

Видимо-мыслимо – быть независимой,
Где-то отдельно литой,
Неторопливой, беспечной, бессмысленной –
У чепухи под пятой.

Кажется, мнится, случается, помнится.
Лето – сплошное лето.
Слезла на станции «Хочется-Колется»:
Август, а дальше-то
что?..

В художественных произведениях указание на времена года – особый код, «идеологический ключ» к пониманию замысла автора, зачастую связывающего с природным календарем важнейшие события, которые определяют эмоции, размышления и поступки персонажей. Выявление семантики времен года в творчестве художника и сопоставление ее с традиционным значением природного цикла, которое сложилось в отечественной литературе, позволяют сделать выводы о философских воззрениях поэта и особенностях его художественного мышления.

Неизменным ядром лирико-философских и иных раздумий об окружающем нас мире является сопоставление человеческой жизни с бытием природы. Смена жизненных этапов сравнивается с чередованием времен года, «пейзаж души» – с природным ландшафтом, изменение настроения – с капризами погоды. И шире: климат соотносится со сферами политики, экономики, и, в конечном счете, с самим обществом и культурой.

Стремление связать природу и климатические особенности малой родины с феноменом духовного (одухотворяющего) наглядно проявляются в текстах о временах года ставропольских поэтов, входящих в творческую группу «Кавказская ссылка», к числу которых можно отнести и Елену Гончарову. В ее лирике отчетливо выделяются стихотворения, объединенные универсальными кодами и мотивами; складываются зимние, весенние, летние и осенние тексты. Используя дефиницию «текста», закрепленную в литературоведении В. Н. Топоровым [3], можно назвать отдельные – пейзажные – стихотворения поэта, сезонными текстами, отмечая, что каждое время года обладает ярко выраженной сюжетной и образно-смысловой парадигматикой, а авторские интерпретации времен года складываются в единый поэтический текст русской литературы.

Пейзажная лирика – это отображение словами того, что поэт видит вокруг себя. Он может восхищаться бездонным небом, шепотом ветра, тихим шелестом листвы, падающим снегом. Можно сказать, что пейзажная лирика –

это отражение состояния лирического героя при виде родных уголков природы. Описываемые поэтами картины могут быть спокойными, радостными, а иногда грустными. И это неудивительно, ведь природа олицетворяет человеческую душу. Ритм и рифма стихов позволяют глубоко и точно показывать не только картины, но и окружающие звуки. Ведь человек и природа едины.

Снег не растает – побродим.

Небо белёсое пью.

Улицы нынче, как сходни, –

Шатки во всё ай лав ю.

Порозевшим ладоням

Так не согреться – дыши...

Хлёсткий морозец бездомен,

Да и вокруг ни души.

В профиль ты всё моё счастье –

Домики прячут глаза.

Мостик диковинной масти

Спутал дорогу назад.

Не измениться попробуй,

Вон даже клёны седы.

Бог понасыпал сугробы,

Вышел по наши следы.

Тонких хвоинок уколы.

Ветку задень – снегопад.

Сто поцелуев весёлых

Стайкой синичьей летят.

Сердце – вдогонку за ними,

Кругом – земля, голова...

И под руками твоими

Я бесконечно жива.

Существует еще и такое понятие, как философская пейзажная лирика. Это когда природу показывают не только объектом восторженного созерцания, но и возможностью объяснить человеческие мысли, чувства, переживания. Природа – эталон красоты, мерило прекрасного в жизни. Она осуществляется по своим – незыблемым – законам. Она олицетворяет идею вечности в представлениях столь конечного, ограниченного двумя датами на памятнике, человека. Природа чиста и первозданна, она отвергает человеческую грубость и насилие, она призывает жить в гармонии с

окружающим миром. Но человек, как правило, глух к этим призывам. Но не всё так безнадежно. Человек чуток и восприимчив, например, когда влюблен («Снег не растает – побродим...»). Или когда задумывается о смысле жизни – своей собственной (а иногда – о жизни всего человечества). Для чего Я, для чего, для какой цели Мы. Случайность ли наше появление в Мире или чей-то возвышенный Замысел («Утро ледком...»).

Утро с ледком.
Стылых простынок ломкость.
Свет невесом –
Ярок, оскольжен, строг.
Всё, что потом, –
Лишь Тишина и Голос,
Всё, что сейчас, –
Лишь Высота и Бог.
Так и живи –
Сердце собрав в дорогу.
Тем и дыши –
Горестно, сгоряча.
То, что потом,
Ближе всего к итогу,
И оттого
Хочется жить сейчас.

Движение времени ассоциируется со сменой времен года. Для Елены Гончаровой годовой цикл начинается с весны: весна как начало всех начал; время, побуждающее к действию – действию мысли, действию чувств. Здесь можно оставить в прошлом мучительные зимние рефлексии, перевернуть страницу и «жить сейчас». Лето – яростный расцвет, реализация надежд лирического героя. Осень – время философских размышлений, умиротворения. Зима – подведение итогов, мучительных поисков причин своих ошибок и неудач. А потом начинается новый годовой круг.

Про эти серо-голубые
Нагие дали
И ветви – тощие, немые,
Про всё, что дали
И не дали вместить в **притихший**
Пейзаж заветный
Наискосок в ладонь запишешь:

«Жизнь заповедна...»

Свинцовокрылой крышей листовой
Грозит апрель, – его не долистали,
И насылает *половодья стаи*
Перетираньем соли горловой.

«С кустарными прожилками любви...»

Отогретый счастьем подоконник
Растрещится. Огненная бронза
Шашечек штакетника на нечет
Подбивает наш упрямый чёт.
Голубки доклёвывают прозу.
Зной до двух считает и не помнит,
Что часы беспамятны. *Кузнечик*
Из травинок песенки печёт.
И ещё, ещё, ещё... Ещё.

«Откровенно теплые ладони...»

Речь идет о развернутой метафоре человеческой жизни. «Основной мотив пейзажной лирики – описание времен года. Больше всего встречается стихотворений о весне. Именно тогда оживает природа от зимней спячки, все расцветает, и начинается новая жизнь. Каждое время года с чем-то ассоциируется: весна – с утром, рождением и молодостью; лето – с днем, юностью; осень – с вечером, зрелостью, старостью; зима – с ночью и смертью» [4].

Тогда понимаешь, что глупо,
неправильно жил,
Неправедно, страстно,
Бесплодно надеялся, непоправимо
грешил
И грезил напрасно.
Пригретые, крепнут в ладонях весны
лепестки,
Былинки и травы,
И сизое небо, очистясь от зимней
тоски,
Растёт на октаву.
По дворикам детство смеётся,
и дразнит капель
Пичуг на припёке,
И март отступает,

и золото моет апрель,
И кроет им щёки.
И робкое чувство становится главным
в душе,
Единственно важным.
А прошлое... горький рывок
на крутом вираже –
Бесцельный и страшный.

Кроме того, при обращении к годовому кругу поэты реализуют и еще одну метафору: бесконечное движение времени – с постоянным циклическим повторением времен года. Жизнь человека зыбка и непредсказуема, природа, мир – вечны в своей повторяемости.

Л. С. Выготский замечал, что подлинное произведение искусства построено на принципе невозможности. Принцип парадокса заложен в самой структуре художественного образа [2]. Какой бы сложности образ мы ни рассматривали (от уровня слова до сложных образований типа «образ России»), мы везде увидим эту важнейшую особенность. Проще всего отметить ее в поэтических словесных образах, где парадоксальность видна невооруженным глазом.

Например, в стихотворении «Когда понимаешь, что глупо...» последние строчки выбиваются из благостного состояния, описываемого в предыдущих:

И *март* отступает,
и *золото моет апрель*,
И кроет им щёки.
И *робкое чувство* становится главным
в душе...

И вот начинается кода:

А прошлое... *горький рывок*
на крутом вираже –
Бесцельный и страшный.

Однако финальная часть стихотворения вполне коррелируется с его экспозицией:

Тогда понимаешь, что *глупо*,
неправильно жил,
Неправедно, страстно,
Бесплодно надеялся, *непоправимо*
грешил...

Горечь открытия суетности, несправедности своего существования приходит к лирическому герою в зимнюю пору я (безусловно, здесь мы говорим о метафоре – холодная неуютность зимы подчеркивает характер эмоционального переживания, связанного с довольно драматическим открытием: жил – не тужил, и вдруг приходит откровение, что жил-то не так (бесплодно надеялся, непоправимо грешил). И вот является весна:

По дворикам *детство смеётся,*
и *дразнит капель*
Пичуг на припёке,
И март отступает,
и золото моет апрель...

И вселяет надежду на то, что всё не так уж непоправимо, что можно еще начать жизнь праведную, правильную. А время, когда «непоправимо грешил», остается в прошлом, которое лирическим героем воспринимается как «горький рывок», но о нем помнить надо, иначе все опять повторится, но где надежда, что после зимы придет весна.

В наиболее радикальном виде принцип парадокса реализуется в стилистической поэтической фигуре оксюморон. Оксюморон – это прямое столкновение взаимоисключающих понятий, в результате которого рождаются новые смыслы.

Так, в стихотворении Елены Гончаровой «Не видя дням конца, с Невы...» мы сталкиваемся с подобными фигурами:

Не видя дням конца, с Невы
Сдувать *ледок*, пока не станет
Тепло и солнечно. Не вы,
А я жила чудно и странно.
Не вы, а я сквозь сетку штор,
Чтоб быть невидимой для взгляда,
Смотрела, как менялся двор,
И дворник пестовал рассаду.
Затем на бешеный проспект
Швыряла тело и глядела
Вокруг *в надежде*. И *тоске*
Своей не видела предела.
Предчувствуя издалека
Наплыв внезапный и горючий,
На встречу с вами, как река,
Несла поток своих созвучий.

И быстротечна, и легка –
Бесстрашно проплывала мимо.
А вы смотрели свысока
На мой пробег неудержимый.
Вот так я доходила до
Границ отчаянья и суши,
И на сердце хрустел ледок,
И под ногой блестели лужи.

Здесь город на Неве выступает в качестве устойчивого мотива: город Пушкина, но и город Серебряного века. Поэт рефлексировал над модернистскими образами – «бешеный проспект», «...и глядела / вокруг в надежде. И тоске / своей не видела предела», «...как река, несла поток своих созвучий». И в то же время, образная стихия начала XX века переплетается, вступает в диалог с художественным миром нового рубежа веков (XX и XXI): «И на сердце хрустел ледок, / И под ногой блестели лужи», «границ отчаянья и суши», «жила чудно и странно». Следует заметить, что Елена Гончарова тонко и точно передает миг полужимы – полувесны. Эти межсезонные переходы ей интересны, в них она видит отражение жизни человека, которая – всегда переход, всегда полутона, всегда прощание одновременно с новой встречей, новой надеждой.

Для поэзии Елены Гончаровой характерно единство эмоционального и рационального (чувства и разума). Эта особенность проявляется, в том числе, и в пейзажной лирике.

То, что художественный образ рожден и чувством, и разумом, кажется достаточно понятным. Однако, в ряде случаев может показаться, что рациональная, разумная составляющая художественного образа практически не выявляется, что в произведении искусства (например, в музыке и поэзии) безраздельно господствует чувство. В реальности же рациональная составляющая заложена в знаковой природе искусства. Вспомним, что художественный образ – это особый знак, обретающий добавочное значение для данной системы. А если так, то любой художник работает со знаковой системой, которая изначально является продуктом рациональной деятельности [5].

Поэт пользуется словами, но ведь слова – это уже результат разумного отношения к миру.

Ты есть. Как яблоко из сада
прабабушкиного. **Светает.**
Осот. Роса. Босые ноги.

Под правой – скользкий бугорок.
Упругий. Дерево-громада
из ниоткуда вырастает,
Счастливым, сумрачным, убогим
дарует сок.

Зажмёшь в ладони плод прохладный
и тонкой кожицы белёсой
коснёшься жаркою щекой.
Ты есть. А нет тебя – и ладно...
За летом приближаясь, осень
несет покой.

Уже не ночь, но только начало рассвета (то есть – не день); яблоня как дерево-громада (в прабабушкином саду не может быть иных деревьев), которое дарует сок (яблоко, плод прохладный с тонкой белёсой кожей). Дарует всем – и счастливым, и сумрачным, и убогим. И диалог лирической героини с другом ли, возлюбленным ли, с человеком, который рядом. «Он» есть, «как яблоко из сада». «Он» органично вписывается в летний пейзаж. Но жизнь есть жизнь: она также изменчива, как времена года:

Ты есть. А нет тебя – и ладно...
За летом приближаясь, осень
несет покой.

Стихотворение воспроизводит мир таким, каким его слышит и видит только что пришедший в него человек, и в этом мире порождается своя мифология, своя вертикаль, разъединяющая такие биполярные сущности, как добро и зло, прекрасное и безобразное, сакральное и профанное.

Видимо-мыслимо – **быть независимой**,
Где-то **отдельно литой**,
Неторопливой, беспечной, бессмысленной –
У чепухи под пятой.

«Август распахнут смеющейся форточкой»

Список литературы:

1. Гончарова, Е. М. Антология : [стихи] / Елена Гончарова // ФутурумАРТ : литературно-художественный журнал : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://futurum-art.ru/autors/0_autor.php?s=%C3%EE%ED%F7%E0%F0%EE%E2%E0&n=%C5%EB%E5%ED%E0
2. Гончарова, Е. М. Жизнь уходит потихоньку, потихо...; Растрепышем твоим...; Земных пророчеств...; И есть ли музыка в чаду...; Развезло

- дорожки в слякоть...; И в разогретое плечо...; Из одежд – облака...; На излете лета...; Осень – ржавая горошина...; И листьям, шепчущим «Не надо...»...; Ты думаешь, душа пропащая...; Трещинки-ложбинки...; Прорасти в этот лес... : [стихи] / Елена Гончарова // Кавказская ссылка : ставропольская литературная группа : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kavlink.ru/authors/goncharova/#biography> .
3. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М.: Искусство, 1968. – С. 168.
 4. Топоров, В. Н. Пространство и текст // В. Н. Топоров Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 234.
 5. Шохина, Е. В. Семантика времен года в поэзии пушкинской поры: автореферат на соискание уч. степени канд. филол. Наук / Е. В. Шохина. – Воронеж, 2017. – С. 7.
 6. Эпштейн, М. Н. Образ художественный / М. Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 256.

Городской пейзаж в поэзии Андрея Недавнего

*Багдасарова Галина Арменовна,
студентка филологического
факультета СКФУ*

Локальная литература обладает колоритом, образностью, идейной насыщенностью культурного пространства, в рамках которого формируются произведения. Их особенность заключается в уникальности описываемого географического, природного или национального мира, что позволяет говорить о появлении таких самостоятельных мифологем, как: Южная Россия, Русский Север.

Когда мы говорим о южнорусском топосе, то Ставрополье занимает здесь пусть не самое яркое, но отчетливо проартикулированное место. Интересна история становления литературного дела в регионе: от робких публицистических выступлений в губернских газетах второй половины 19 века к таким ярким именам, как И. Сургучев, П. Белецкий, Г. Брянцев, А. Губин, Г. Шумаров и др. Безусловный интерес вызывает творчество современных ставропольских авторов. Особое место здесь занимает поэтическая группа «Кавказская ссылка».

Она известна такими именами, как Станислав Ливинский, Елена Гончарова, Елизавета Михайличенко, Игорь Паньков, Амиран Адамия и др.

Одним из организаторов этой поэтической группы, входящим в пятерку лидеров, является Андрей Недавний.

Андрей Недавний – закрытый человек, о нем можно найти минимум информации. Поэт, переводчик, музыкант. Живёт в Ставрополе. Участник Форумов молодых писателей в Липках (2004, 2008, 2009) и первого Форума переводчиков в Звенигороде (2015). Публиковался в журналах «Зинзивер», «Паровоз», «Белый ворон», «Новая реальность», «Плавучий мост», в «Литературной газете», «Независимой газете». Участник коллективных сборников «Новые писатели», «Каталог лучших произведений молодых писателей» (по итогам Форумов молодых писателей 2010) и «Московский год поэзии». В 2013 году вышла первая книга стихотворений «Арфистка эолова». Один из основателей известной ставропольской литературной группы «Кавказская ссылка» (2011).

Однако его лирика максимально полно позволяет узнать читателю о поэте, о том, что его печалит и что радует, о его страхах и его надеждах, о том, как он видит этот мир. А мир поэта нераздельно связан с местом его пребывания – Ставрополем.

Ставрополь – город, где природа как категория трансцендентная находится в синтезе с миром рукотворным. Дореволюционные постройки гармонично сочетаются с многоэтажными домами, создавая оппозицию «века нынешнего» и «века минувшего». Именно такой городской колорит представлен в поэзии Андрея Недавнего.

Известный отечественный литературовед, наш современник М. Эпштейн создал в свое время замечательную классификацию пейзажей, характерных для русской лирики XIX-XX веков:

1. сезонная и ландшафтная: по типу времени или местности, определяющей характер пейзажа (зимний или весенний, степной или морской и т. д.);
2. по степени масштабности, тематической обобщенности, различаются: локальный пейзаж (например, Михайловское и Тригорское в лирике А. Пушкина, Смоленщина в поэзии М. Исаковского и А. Твардовского); экзотический – воспринимаемый как чуждый, необычный для поэзии данного народа (кавказский, крымский, дальневосточный, арктический пейзажи в русской поэзии); национальный – обобщенный образ родной природы; планетарный и космический – предельно укрупненный масштаб видения природы (у Ломоносова и Державина, Брюсова и Маяковского).

В соответствии с данной классификацией перейдем к рассмотрению особенностей городского пейзажа в стихотворениях Андрея Недавнего. Мы можем разделить их на три группы:

- унылый пейзаж (по определению М. Н. Эпштейна), который состоит из серых оттенков и меланхолии по ушедшему времени;
- яркий пейзаж, строящийся на символических образах Южной России;
- пейзаж – воспоминание

К первой группе относятся стихотворения «Вода дождя стеклит подходы к дому», «Останешься ещё на полчаса», «Не то чтобы холодная весна», «Накопишь столько нежности внутри».

Ко второй группе – «Ещё дана тоска в довесок», «Осмотришься кругом – стоит жара».

Отдельно можно выделить «Как я учился в школе номер восемь», «Вернется все, причины не ищи», «Сентябрь на носу – что очки у декана», в которых городской пейзаж вписан в картину воспоминаний лирического героя.

Так, в стихотворении «Вода дождя стеклит подходы к дому» унылый образ города психологизируется и полностью отражает внутренний мир лирического героя:

Вода дождя стеклит подходы к дому.
Рябь отражений мокнет. Вороньё
 Впадает идиллически в истому
 На ветках тополей. Мелькнёт шиньон
 Соседки, возвращающейся с хлебом
 И молоком, под аркой. *Полукруг*
Двора пустынен. Оттого (*нелено*)
 Плохие мысли происходят. Вдруг.

[1]*

Психологизацию городского пейзажа также можем найти в стихотворениях «Не то чтобы холодная весна», «Накопишь столько нежности внутри», однако в данном случае связь лирического героя и окружающей среды показана на более абстрактном, бытийном уровне. Город, как рецепция внутреннего мироощущения, изображен погаснувшим, опустошенным:

Не то чтобы *холодная весна*,
 Река и *голый лес* смущают душу,
 А то, что суть вещей обнажена –
 Ошибками наружу.
 Вот *город, облачившийся в туман*,

* Здесь и далее выделение курсивом выполнено автором статьи.

Так выглядит, как будто бы простужен,
Машина припаркована в карман.
И переулочек в инее Бестужев.

[1]

Или:

Накопишь столько нежности внутри,
Она тебя, *увы, и убивает.*
Дождь затевает в лужах пузыри.
Здесь серый городок, а не Гавайи.

Подъёмный кран – *уродливый* жираф,
В твоё окно глядит с утра *бездушно.*
И осень, свой показывая нрав,
Кричит – мне столько нежности не нужно.

[1]

Стихотворения второй группы выстраивают противоположную систему образов. Городской пейзаж состоит из ярких, красочных оттенков Южного мира (««Фрукты-овощи» палатка», «с изюмом плов» и др.). В «Осмотришься кругом – стоит жара» А. Недавний называет свой город: «Мой маленький, мой внутренний Париж / С провинциальным отблеском Монмартра»:

Осмотришься кругом – *стоит жара,*
И запах лип в окно вливается *сладко,*
Дорога мимо старого двора,
А рядом «Фрукты-овощи» палатка.
Горячий воздух оседает с крыш,
И птичьих голоса – *почти что мантра.*
Мой маленький, **мой внутренний Париж**
С провинциальным отблеском Монмартра.

[1]

Городской пейзаж как средство связи прошлого и настоящего в «Как я учился в школе номер восемь», «Вернется все, причины не ищи», «Сентябрь на носу – что очки у декана» создает запечатленный образ города. Лирический герой любит пространство, которое вырастило его. Он помнит его таким, каким оно было в его детстве и с грустью осознает, что «знакомых крыш сверкающую жесть» заменили многоэтажки.

Сентябрь на носу – что очки у декана.
Ты выйдешь из леса, на брюках – репей.

И снизу посмотрит, как на великана,
Обнюхав брезгливо, соседский шарпей.
Тянуть поводок и стремиться к свободе,
Как будто она есть в пределах двора.
Желтеет листва на невытом капоте.
И это сегодня – почти что вчера.
И завтра ничем этим двум не уступит
И будет тянуться, что тот поводок.
И будто об ватман свой грифель затупит
Спокойная Клио – об мой городок.

[1]

Городской пейзаж у ставропольца Андрея Недавнего точно передает природно-погодные оттенки южного провинциального города, в котором автор видит как лики старого из 19 века городка – немножко военной крепости, немножко мещанской слободы, немножко купеческого пафоса центральных улиц, – так и несколько раздражающие своей агрессивной динамикой новостроенные районы.

Поэт точно называет характерные для ставропольского пейзажа погодные состояния: рыдающая ранняя весна, туманная мягкость ранней осени, ослепительная яркость лета в зените. А зима? Как быть с зимой? Здесь все сложно, потому что зимы в Ставрополе не бывает. Про Ставрополь говорят, что зимой здесь 17 вёсен и 17 осеней. Также что и здесь точен поэт.

Так, локальная литература Андрея Недавнего дает возможность выделить Ставрополье как самостоятельную геопоэтическую единицу. Городской пейзаж в лирике писателя тесно переплетается с идеей Южной России, раскрывает сущность географических и культурологических особенностей края.

Список литературы:

1. Андрей Недавний: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://45parallel.net/andrey_nedavniy/stihi/
2. Старыгина, Н. Н. Система локальных свертков русской литературы / Н. Н. Старыгина: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-lokalnyh-sverhtekstov-russkoy-literatury>
3. Эпштейн, М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн: науч.-попул. – М.: Высш. шк., 1990. – 303 с.